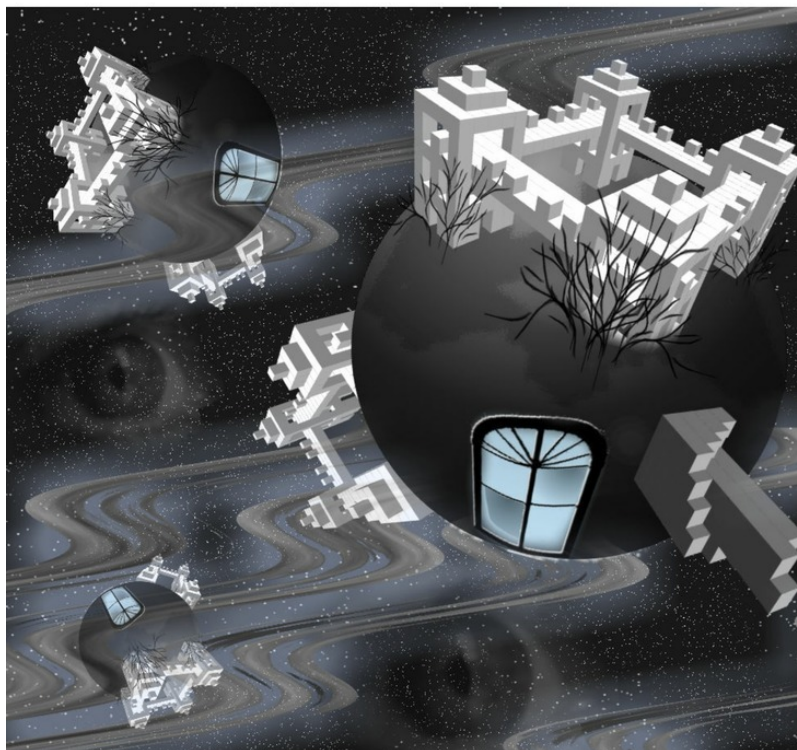

Мария Фомальгаут
Мотылетки на мельнице

Мария Владимировна Фомальгаут

Мотылетки на мельнице

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17799574

ISBN 9785447449247

Аннотация

Книга расскажет, как надо крутить мельницу, чтобы не наступил конец света. Или наоборот, чтобы наступил. И как бить мотылеток. Или не бить. И как подслушать разговор, чтобы он состоялся. Или не состоялся...

Содержание

Мотылетки	5
Моя земля	10
Моя личная таблица	20
Моя традиция	31
Музей людей	43
Музей разговоров	49
Машинист, которого нет	75
Между небом и землей	84
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Мотылетки на мельнице

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мотылетки

Бьем мотылетов.

Что с ними еще делать, как не бить. Летят, летят себе куда-то, летят-летят, ловят что-то на лету.

Вся жизнь в полете, вся жизнь в воздухе.

Мы-то народ серьезный. Если бы мы народом серьезным не были, мы бы досюда не дошли, мы бы из городка своего не вышли.

Да и вообще не было бы у нас никакого городка.

Идем.

Поднимаемся на высокую гору. Бьем мотылетов, а чего они летают, мешаются.

На то и мотылетки, чтобы мешаться.

– Сколько прошли? – спрашивает Аукам.

– Два миллиона шестьсот тысяч четыреста восемьдесят ЭМ-тэ.

– А осталось сколько?

– Где-то двести тысяч ЭМ-тэ. Да до вечера дойдем.

Аукам качает головой.

– Успеть надо.

Киваю.

– Успеем.

Бьем мотылетов.

Много их тут на горе, летают, летают, ничего не понима-

ют.

Где им.

Это человек понимает, мотылетки-то глупые-глупые.

А торопиться надо. А то ведь скоро полночь, а к полуночи луна на гору опустится. Ну, конечно, не совсем опустится, если бы совсем луна опустилась, тут бы земли уже не было. Но близко-близко луна к земле будет, так близко, что уже не поймешь, где луна, где земля, вот так подпрыгнешь – и в воздухе зависнешь, а если посильнее оттолкнуться, подхватит тебя луна, унесет...

У нас все рассчитано. До последнего эм-тэ. Хотя нет, до эм-тэ трудно будет рассчитать, это ж как исхитриться надо будет, чтобы до эм-тэ.

Эм-тэ всего-то с половину моего ногтя. Кто такую единицу вообще выдумал – эм-тэ. Ладно бы в человеческий рост, или в руку человеческую, а то – эм-тэ...

Бью мотылетов.

А то мешают, летают, спасу нет.

Торопимся.

Надо успеть до полуночи.

Когда луна. А там, на луне...

Не знаем, что там, на луне.

Только предполагать можем. Сто миллиардов тэ-эм назад, говорят, народ какой-то на гору поднялся и на луну перебрался жить.

Не люди.

До людей еще.

Кто его знает, что там до людей было. Что-то было. Племя какое-то великое было, народ какой-то, теперь уже и не помнит никто, что за народ. Одичали те, кто тогда был, до зверей опустились, или черт пойми, до чего, только знания от них остались. Как скорость рассчитывать, как расстояние, эм-тэ, тэ-эм...

Так-то.

Бьем мотылеток. Много набили, на ужин хватит. А может, еще и на завтрак останется. Если повезет. Завтракать-то уже на луне будем.

Небо тучами заволокло, не видно ничего с вершины.

Только луну видно. Большую, круглую, вон зависла над нами, все кратеры видны.

И мотылетки роятся. Надо побольше набить, чтобы и на завтрак хватило.

Бьем.

Первым подскакивает в небо Аукам. Мне прямо обидно, я экспедицию устроил, я оплатил, а он первый подскочил. Ну да подскочил и обратно на землю хлопнулся, прыгать-то посильнее надо.

Прыгаю. Что есть силы. Отталкиваюсь.

Лечу. К луне. И Аукам за мной. Боязно, да как не боязно, как знать, как народ тамошний нас примет, от которого только и остались, что тэ-эм, эм-тэ... И сигналы из космоса, сначала простенькие – один плюс один два, два плюс два че-

тыре – а там и посложнее...

Падаем на серебристый песок, кое-как собираюсь, чтобы не разбить голову. Приходим в себя, отползаем от пустоши, над которой в небе замерла земля, – тут, главное, не подско-чить, не дать земле забрать себя обратно.

Смотрим в мерцание огней далеко на горизонте.

Город.

Там должен быть город.

Идем к городу, тащим на себе нехитрое снаряжение и сетки с мотылетками. Много мотылетов, надолго хватит. Мелкая мотылеточка выпархивает из сетки, бью, смотрю на свою ладонь...

Смотрю на ладонь...

Лежит мотылетка, чуть больше моей фаланги.

Чуть больше моей фаланги.

Спрашиваю себя, сколько живет мотылетка. Молюсь, чтобы не семь с половиной часов. Нет. Подключаюсь к Сети, проверяю, так и есть, семь с половиной часов.

Смотрю на горизонт, на уже недалекий город, на делегацию, легкую, воздушную. Невесомую.

Ору.

– Мотылеток бросай!

– А?

– Бросай, говорю, мотылеток!

– К-куда?

Аукам не понимает. Выхватываю у него из рук мешок

с мотылетками, бросаю в овраг.

– Закапывай... скорее, закапывай!

Взглядом встречаюсь с предводителем делегации.

Понимаю, что поздно.

2015 г.

Моя земля

- И сколько их у вас?
- Было или сейчас есть?
- Ну... было.
- Ой, не помню я. Честное слово, не помню.
- Ну а сейчас сколько?
- Ой... миллиардов девять будет.
- Чего девять?
- Миллиардов, чего.
- М-м-м... и хотите сказать, вы их всех любите?
- Всех. Люблю.
- Вам не кажется, что это... м-м-м... странно?
- А что тут странного?
- Ну... даже не знаю. Но странно. А они вас любят?
- Я даже не знаю.
- Не знаете?
- Честно... нет. Хотела бы проверить...
- И как вы это собираетесь проверить?
- А вот...

Воздух разрывает легкие.

Сердце взорвалось – уже который раз, разлетелось на мелкие осколки.

Бегу – когда уже нет сил бежать, сам себе удивляюсь,

что бегу. И кажется – так медленно, ужасно медленно, как во сне, когда впереди что-то важное, нужное, и хочешь бежать к нему, а беспомощно перебираешь ногами на месте, а оно удаляется... все больше.

Бегу – больно пинаю ногами землю, прости, земля, прости нас всех, мы всю жизнь пинали тебя ногами...

Бегу – уже не дышу, хватаю воздух, которого как будто и нет...

Моисей все еще там, на горизонте...

Я верю – он ждет меня...

Бегу – по планете, которой больше нет. Бегу – по тому, что было землей, что еще есть – и в то же время нет, бегу – от берегов Португалии, от солнечных портов, дальше, по знойным улицам Мадрида, по сверкающим огням Елисейских полей, через альпийские леса, через рождественские улочки какого-нибудь Дрездена, пропахшие омелой, через новогоднюю Прагу, и дальше, мимо заснеженной Москвы, по бескрайним снежным полям, через глухую тайгу – туда, где Моисей ждет меня.

По Земле...

По Земле, которой больше нет. Прости, Земля, я слишком долго обещал себе – потом, потом, и я знаю – теперь уже поздно, я тебя не увижу.

Мы так и не встретились, Земля.

Прости...

А как я любил тебя, Земля... Наверное, ни один человек на тебе не любил тебя – так, как я. Никто не жаждал тебя так сильно, никто не обожал тебя так – страстно, неукротимо, никто не желал тебя так – хищно, жадно, никто...

Земля...

Что я знал о тебе...

Я знал одно – ты должна быть моей.

Я знал одно – я должен был увидеть тебя, всю, всю, от и до, со всеми твоими столицами, сфинксами, пирамидами, парфенонами, джунглями, амазонками, эверестами, триумфальными арками, мадридами и мадакаскарами. Я желал тебя – как желают самую страстную любовницу, я готов был потратить на тебя все – но у меня не было ничего.

Я рвался к тебе, Земля... Еще тогда, в каком-то там классе, когда бежал – от дома, от школы, от икс-квадрат-минус-два-икс-плюс-один, от мультиков по воскресеньям, от самого себя – к тебе, Земля. Все казалось так просто, на велике добраться до Москвы, до Питера, там через границу – в Таллин, в Варшаву, в Прагу, дальше...

В десять лет расстояния кажутся такими ничтожными...

Прости, Земля... что не смог, что арестовали, допрашивали, будто увидеть землю – это какое-то преступление. Родители для тебя столько делают, вон, своя комната есть, и комп, и вон, ролики, велик, счастья ты своего, пацан, не понимаешь...

Бегу...

Чувствую – легких уже нет, остались кровавые лохмотья, от сердца тоже, бегу, спотыкаюсь, падаю, лицом в землю, земля не хочет отпускать меня, земля держит – как самая страстная любовница.

Поднимаюсь, земля качается под ногами, бегу – не бегу, ковыляю, через бесконечное поле, которое с каждым шагом становится все больше.

Моисей на горизонте...

Есть ли он... или это только мерещится...

Бегу – огибая обломки, осколки, обрывки, спотыкаюсь о кого-то убитого, по-привычке протягиваю руку за автоматом, одергиваю себя, на хрена, на хрена...

Моисей...

Я верю, что он ждет меня...

– ...так сколько, вы говорите, осталось нашей планете?

– Лет десять, не больше.

– Игнат Ильич, вы не пугайте так наших зрителей... Мы привыкли слышать прогнозы – через тысячу лет, через двести лет, а вы...

– А я и не пугаю, я говорю то, что есть... к сожалению, это правда, и оставшиеся десять лет нам придется посвятить решению...

...аномальные вспышки солнечной активности...

...разрушение магнитного поля...

..всплески радиации, выжженные пустыни на месте...

О чем я... ну да. Прости, Земля, я знаю, ты слишком долго ждала меня, ты слишком долго жила – прекрасная, цветущая, величественная. Я знаю – у тебя лопнуло терпение, ты рассердилась на меня, земля. Да что на меня – на нас, на всех, сидящих по своим квартирам, по офисам, по кабинетам директоров, мы слишком долго не виделись с тобой, мы разорвали тебя – на фотографии, на виды, на пейзажи, заковали в заставки мониторов и календари, мы обещали самим себе – вот, через годик, через два, вот только с кредитом разберусь, вот только ремонт доделаю, вот только...

Ты обиделась, Земля? Ты думаешь, я делал это специально? Ты думаешь, я не рвался к тебе – когда откладывал тысячу, две, три, когда обещал себе – на следующий год, когда вешал на экран какой-нибудь карибский пляж, как стимул, а на следующий год что-нибудь случалось, и за тебя требовали больше, и больше, и...

Прости, Земля...

Я знаю... ты обиделась...

Бегу...

Уже не по земле, уж не понимаю – по чему, трава хватает за ноги, пытается удержать, земля тянет к себе...

Кричу – сам не слышу своего крика, бегу – не чувствую своего тела, будто бы и нет меня...

Моисей все еще маячит на горизонте бесконечного поля – как насмешка, как издевка. Как будто посмеивается надо мной – ну-ну, голубчик, добежишь – не добежишь? Добегу. Сдохну, а добегу, у меня уже нет другого выхода.

У всех у нас уже не было другого выхода. Сдохнуть или добежать... через кредиты, через проданные квартиры, машины, дачи, почки, через билеты, купленные по каким-то каналам, остерегайтесь подделок, господин директор, как вы объясните, что посадочных мест на кораблях не более полутора миллиардов, а по миру гуляет в общей сложности миллиардов десять?

Земля...

Я предал тебя, земля.

Я пожертвовал тобой – когда отдавал за билет миллионы, которые хотел отдать за тебя, Земля, чтобы выкупить тебя из плена. Я предал тебя... да, я предал тебя, земля, тебя, со всеми твоими лондонами, парижскими пагодами, минаретами, джунглями и тундрами.

Ты пойми, Земля...

Я хотел жить...

Ты пойми, Земля, я не забыл про тебя... Про тебя невозможно забыть. Я помнил о тебе – когда предавал тебя, я помнил – когда ты умирала, заодно убивая и нас, и когда утром в новостях говорили, что очередное побережье слизнул тайфун – у меня больно сжималось сердце. И потом – когда уже не было никаких новостей и никаких телевизоров, и телефоны выплевывали – ПОИСК СЕТИ, я представлял себе, что там Лондон, что Париж, что дальние берега, что...

И я не понимал – почему мы не можем быть вместе... Почему – если мы созданы друг для друга...

Бегу...

Через бесконечность – в неведомое... Сердце уже не бьется – взрывается, по всему телу, на куски, на осколки, как больно...

Пиная землю ногами...

Моисей стоит на горизонте – дразнит меня.

Когда я убил первый раз...

Не помню. Сейчас уже ничего не помню. Сейчас уже ничего не имеет значения – когда из всех этих ковчегов, пилигримов, одиссеев, гермесов, остался один Моисей, полтора миллиона мест на шесть миллиардов человек, а кто-то уже летит, в каком-нибудь Пилигриме, а кто не успел, тот опоздал, а меня обязаны взять, у меня целых десять посадочных билетов, а тьфу на ваши билеты, кому они нужны теперь...

Неравный бой...

Каждый сам за себя...

Сейчас и вспоминать странно – да и нечего вспоминать, набросились друг на друга, как дикие звери, вон, трупы лежат, о, поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями... поле... русское поле.

Да, стрелял. Да, убивал... Мстил им – всем, за все, за тебя, земля, которую я так и не увидел... Да, я ненавидел людей в эти минуты – за все их идиотские границы, визы, зоны, турагентства, правила, за эту тюрьму, которую они создали для самих себя, сами же в нее и попали...

Бегу...

Разрываю легкие...

Пиная, пинаю землю, прости, земля...

Пуля свистит у виска – еще одна, еще... Сколько их... нет, один, чумазый, ободранный, похожий на кусок грязи, да и сам я сейчас не лучше... Мчится к Моисею, и кажется – в миллион раз быстрее меня...

Стреляю – не целясь, промазал, ясно – промазал, еще бы... Бежим – уже вижу блестящий корпус Моисея, трап тычется тупой мордой в траву...

Боль разрывает колено... Земля подпрыгивает, хватает меня – со всех сторон...

Пусти...

Пусти, дрянь такая... пусти, сука... пусти...

Вырываюсь из объятий земли, уже не иду – ползу к кораб-

лю...

Он, стрелявший в меня, молнией взвивается по трапу...

Моисей с бешеным ревом отрывается от земли...

Мир проваливается в пустоту...

Все еще болит...

Осматриваю повязку – вроде держится... И все равно как-то...

Ничего...

Жму на газ – машина чихает, фыркает, нехотя катится по убитой дороге.

Еду – через глухую тайгу, по бескрайним снежным полям, мимо заснеженной Москвы, через новогоднюю Прагу, через рождественские улочки какого-нибудь Дрездена, пропахшие омелой, через альпийские леса, по сверкающим огням Елисейских полей, по знойным улицам Мадрида, к солнечным берегам Португалии...

К тебе, Земля...

Сколько нам осталось с тобой... год, два... может, месяцы... не знаю...

Не знаю.

Неважно.

Еду к тебе...

Колючий воздух рвет легкие...

Земля

Еще раз смотрю им вслед.

Им. Всем. Которые наконец-то убрались, наконец-то оставили меня, предоставили меня мне самой себе.

Перевожу дух.

Потягиваюсь всеми материками и океанами, первый раз за столько лет дышу полной грудью.

Оглядываю себя. Оглядываю тех, кто остался, со мной, спрашиваю себя, почему они остались.

Растерянно смотрю на человека, который жмет на газ, гонит по дороге, дальше, дальше, в никуда, у него кончается бензин, он останавливается, выходит из машины, ложится мне на грудь, обнимает меня.

Обнимает.

Еще не верю себе, еще сомневаюсь, да точно ли тот самый – нет, не остается сомнений, – я нашла его.

Нашла...

Чувствую, как меня обнимает тепло земли, чувствую, как мою спину ласкают лучи солнца. Еще не знаю, что случилось, чувствую одно – беда ушла, и больше не вернется.

2012 г.

Моя личная таблица

– Где мы? – спросил Андрей.

Ему никто не ответил, отвечать было некому. Череда темных скал тянулась, насколько хватало глаз, их вершины поднимались за облака, основания терялись в туманных безднах.

– Где мы? – за Андреем повторил Илья.

Ему тоже никто не ответил. Отвечать было некому.

Два человека поднялись на ноги, отряхнули колючий снег. Огляделись еще раз. У обоих проклюнулась одна и та же шальная мыслишка, что сейчас их никто не видит, они одни, без свидетелей, и можно перерезать другому горло, сбросить в бездну, сказать потом людям, ничего не знаю, ничего не видел, я был здесь один.

– А мы здесь... как оказались? – спросил Андрей.

Илья не ответил. Зябко закутался в пиджак, попробовал ногой снег, попробовал вспомнить, как ходят люди, сами по себе, без черных лимузинов и личных шоферов.

– Тетенька, дайте что-нибудь покушать...

Тетенька не отвечает, делает вид, что меня здесь нет. Поднимается на этаж, поправляет норковую шубейку, ворочает ключом в замочной скважине.

– Тетенька...

Трогаю ее за рукав чумазой ладошкой. Тетенька разражается отборной бранью, на хрен пошел отсюда, пока тебе по харе не надавали, распахивается хищный красный рот.

Жду.

Тетенька хрипит, закатывает глаза, падает на пол подъезда, беспомощно скребет пол красными же ногтями. Замирает.

Принимаю привычный облик, почесываю рога. Делаю в планшетнике еще одну пометку, что работа выполнена.

– Куда пойдем? – спросил Андрей.

Илья пожал плечами, не все ли равно куда.

– Как отсюда выбраться? – чуть погодя спросил Илья.

Теперь пожал плечами Андрей, кто его знает...

На заснеженном плато сидели два властелина мира. Вернее, не так, властелин мира должен был быть только один. Единственный. После всех финансовых махинаций и пирамид, кровопролитий, искалеченных судеб, очередных поставок очередного оружия в очередную страну для очередной войны. После всех больших залов и больших переговоров. Вежливых рукопожатий и дежурных улыбок.

Илья вспомнил, как говорил со смуглым человеком с горящими глазами, как человек наклонился к Илье, шептал вполголоса, без проблем, будет сделано, половину бабла сразу сюда... потом фотку тебе вышлем, как его разделали.

Андрей вспомнил, как говорил со смуглым человеком

с горящими глазами....

Ветер кувыркался в метели, клочьями рвал тучи.

Снова приходила, снова не отступала шальная мыслишка, что вокруг, черт возьми, никого нет...

Снова стучу в дверь. Крепко, настойчиво, я знаю, что они там, только посмейте не открыть...

– Кто? – женский голос, хищный, гневный, вспоминаю Некрасова, коня на скаку остановит...

– Помогите! – снова стучу в дверь.

Там, за дверью, понимают: просто так я не уйду.

Дверь распахивается, вижу сонную бабищу в цветастом халате.

– Помогите мне, чем можете, – поворачиваю к ней изможденное лицо с бельмами глаз.

– А где ваше пожалуйста? Вообще оборзели дармоеды, пусть государство о вас...

Не договаривает, падает замертво. Смотрю на часы – минута в минуту, десять минут десятого.

Убираю с глаз бельма, выпускаю из-под куртки темные крылья, с наслаждением расправляю, долго же они были сложены...

– Далеко еще? – спросил Илья.

Ему никто не ответил. Отвечать было некому. Илья не знал, сколько они идут – через снег, через метель, через

узкие переходы – к тусклому свету там, на горизонте. Илья даже не мог толком сказать, зачем им нужен этот тусклый свет. Просто он хоть чем-то отличался от мрачного пейзажа, сулил хоть какую-то надежду.

Андрей выбрался из ущелья, волоча с собой горсть мелких рыбешек. Илья насторожился, что-то он будет делать дальше, когда хорошенько прожарит рыбешек на костре, когда...

– Угощайтесь, – спохватился Андрей.

– Вот спасибо...

Здесь, в хороводе метелей и скал, куда-то подевались все фамилии, отчества, титулы, звания, капиталы и места в списке Форбс, остались только Андрей и Илья.

– Это мы, может, в Гималаях, – сказал Андрей.

– Может быть, – поддакнул Илья.

– Или нет... на Гималаи не похоже.

– Не похоже. Да кто их знает.

– Точно... кто их знает.

Ветер бился головой о скалы.

Не спалось.

Здесь, наедине с вечной метелью в пучине вечной ночи не спалось.

Илья вспоминал что-то – казавшееся бесконечно далеким, что случилось уже как будто и не с ним, а с каким-то другим Ильей в каком-то другом мире. Большая улица боль-

шой столицы, угар после долгого банкета, Илья уже не помнит, в честь чего был этот банкет... Вот черт, совсем забыл, что отпустил своего водителя... Припухшее лицо Андрея в праздничной суете, какое совпадение, мой водитель тоже незнамо где... не подскажите телефончик такси?

Огни и музыка, музыка и огни. Такси заказывали? Да, большое спасибо. Вы первый. Только после вас. Шальная мыслишка, что перочинный ножичек в кармане, а бок Андрея так близко.

А потом что-то случилось. Илья даже не успел испугаться. Он вообще ничего не успел, когда весь мир разорвался слепящими искрами, Илья как со стороны увидел свою оторванную голову, раскуроченную грудь Андрея, что это красно-черное змеей выползает из разорванного тела, кишечник, что ли, а хорошо полыхнуло, гори, гори ясно... Интересно, кто кого заказал, и кто чей заказ выполнял...

А страшно не было.

Вот это Илья хорошо помнит, что страха не было, было какое-то безразличие.

А потом были черные скалы и клочкастые тучи.

И ветер, запутавшийся в метели.

Выхожу на шоссе, вытягиваю руку, поправляю рваные джинсы, чтоб не слетели.

Нехотя тормозит рыжая газелька.

– Будь другом, до города довезешь?

– Бесплатно, что ли? – фыркает водитель.

– Да дело такое, кошелек дома забыл...

– А бошку ты не забыл?

– Да замерзаю я, вишь, мороз какой? – хватаю водилу за плечо. Он сбрасывает мою руку с плеча, давит на газ.

Жду.

Я уже знаю, что рыжая таксюшка навернется с моста. Все-таки отворачиваюсь, когда газелька летит кувырком.

Помечаю в планшетнике – еще один. Хорошую программу сделали, экс-эль, раньше на бумажке сложнее было считать. А еще раньше на глиняных табличках еще сложнее.

Бывало.

Ветер кутается в метель.

Тучи бегут по небу, догоняют самих себя.

Андрей рисует на снегу причудливые замки, здорово у него получается...

– Здорово, – говорит Илья.

– А?

– Здорово, – повторяет Илья.

– Ага... в архитектурное по молодости хотел идти...

– И?

– Какое там... вообще бы ноги с голоду протянул.

Илья кивает.

– А ты? – спрашивает Андрей.

– Что я?

– А ты... кем быть хотел?

– Я этот, МАИ кончил...

– Самолеты строить хотел?

– Выше бери, корабли... хотел в космос...

– А что ж ты...

Илья смотрит на Андрея уничтожающе, будто и так непонятно – что, бормочет что-то про перестройку и лихие девяностые.

Останавливаюсь перед дверью. Даже несправедливо, что нет никого в приемной, не спросишь – кто последний, не устроишься в углу за чередой кресел, не подумаешь, что будешь говорить перед шефом, не...

– Войдите.

Кажется, я не успел постучаться, неважно. Шеф всегда знает, кто стоит за дверью. На то он и шеф.

Вхожу. Почему-то всегда опускаю глаза перед ним, темным. Почему-то никогда не могу посмотреть на его лицо.

– Злое утро, – говорит шеф.

– Злое, – соглашаюсь я.

– Как живете? – спрашивает шеф.

Смеюсь.

– Никак не живу. Я же не живой.

– Ну что... что-то поставочки в ад у вас сократились, – говорит шеф.

Развожу руками, бывает.

– Что... хотите сказать, люди меньше грешить стали?

– Может быть.

– Что же они так...

– Ну... не век же им грешить. Грешили-грешили, образумились.

Опускаю глаза. Не смею взглянуть в лицо.

Шеф еще не знает про черные скалы, где метель бьется головой о камни.

Свет был совсем рядом. Тусклый, голубоватый, фосфоресцирующий, и уже видно было, что за этим светом открывается портал, проход куда-то в никуда, прочь от темных скал, к голубоватым холмам. К холмам, на которых не было снега, к холмам, поросшим чем-то сладким, пряным, манящим, это что-то можно было жевать, прямо так, не поджаривая на костре. Бурный поток окружал голубоватый свет, будто нарочно, чтобы не подпустить людей. И все больше казалось, что в потоке была не вода.

– Плавать-то умеете? – спросил Андрей.

Илья передернул плечами.

– Может, когда-то и умел...

– С вами все ясно.

Посмотрели на крохотную дощечку на берегу. Кто-то как будто специально положил ее сюда. Вообще все вместе взятое было как будто специально...

– Ну, давайте... потихонечку... с божьей помощью... –

прошептал Андрей.

Илья только усмехнулся, как же, будет тебе божья помощь. Кто в Афган талибам продал полторы тыщи...

...ладно, не о том речь.

Войти в воду было страшно, да в воду ли, черт его пойми, что там в этом потоке. Илья вспоминал, когда последний раз входил в воду, вспоминался только первый раз, илю-у-ушаа-а, айда к на-а-ам, да он плавать не умеет, да дайте я ему покажу...

Вот тогда тоже было так страшно.

Подхватывает поток.

Несет куда-то, захлестывает, тянет на дно. Да есть ли там дно, нет там никакого дна, ничего нет, только смерть...

И как-то так получается, двое не удержатся на доске, кому-то придется разжать руки, кому-то, кому-то, ну только не Илье, ну только, ну...

Пальцы Андрея разжимаются.

– Дю-ю-юха-а-а-а!

– Держи-и-и-ись!

Черные волны глотают побелевшее лицо, уносят в бездну. Поток будто поутихает, прибывает дощечку к берегу с голубыми холмами.

Уже не до холмов, и не до берега. В памяти оживают слова отца, откуда-то из далекого-далекого детства, такой мальчик большой, и плачет, как не стыдно...

Не стыдно.

Илья слизывает соленые капли, не чувствует вкуса.

– Дюха...

Появляюсь перед ним – из ниоткуда, из пустоты, показываю на голубые холмы.

– Добро пожаловать... в рай...

– Дюха... Дюху куда дел, сатана?

– Он там уже... там. искупил...

Человек, кажется, его звали Илья, идет к голубым холмам.

Открываю еще одну таблицу на планшетнике, подчеркиваю еще два имени.

Эту таблицу я не показываю никому.

Только себе.

Таблицу, куда я не записываю имена, а вычеркиваю.

Опускаюсь на крышу высотки, складываю темные крылья. Смотрю на город. Высматриваю. Выискиваю. Подсчитываю. Этих сегодня забрать, эти до завтра подождут, вон человек идет, орет кому-то по мобильнику, я вас на хрен всех урою, тебя самого завтра уроют, только ты об этом еще не знаешь. Вон тетка гонит на красный свет, сегодня она еще проскочит, но не завтра, а завтра из-за поворота вылетит необъятный КАМАЗ...

Считаю.

Прикидываю.

Составляю смету для бухгалтерии.

Он выходит из тумана. Я замечаю его не сразу, когда он

уже стоит рядом со мной на краю крыши, кутается в тусклый свет.

– Чего? – спрашиваю как можно непринужденнее, главное, не показать, что мне не по себе.

– Тебя ищут. Шеф просил явиться...

Киваю. Я знал, что этим кончится. Рано или поздно. Они, там, не могут терпеть бесконечно...

Бросаю планшетник – оземь, о мостовую, лечу – под самыми тучами, за горизонт. За ночь успею добраться до края земли, говорят, там живут слоны на огромной черепахе. Там меня не найдут...

2013 г.

Моя традиция

Нет, я его убивать не хотел, чесслово не хотел...

Мне просто деньги очень нужны были.

С этих денег треклятых и началось, так, может, ничего бы и не было. А что делать... Если бы на вас ипотека висела, посмотрел бы я на вас, ох, посмотрел бы. Что, сами знаете, что значить раз в месяц вынь да положь им двадцать штук? Вот то-то же...

Вынь да положь...

Я этого мужика на проспекте заметил, когда он деньги из банкомата снимал, и деньги немаленькие, я еще про себя подумал, вот повезло мужику, не то что мне... я бы про него и не вспомнил, если бы еще раз не увидел – он мне как назло глаза мозолил. И встретился мне второй раз уже не на проспекте ни на каком, а за городом – знаете, где дорога на мостик поворачивает... там все машины ездят, ну и пешеходам тоже тропочка есть...

Вот там я его и увидел, когда домой шел.

Молодой парень, высокий, в куртке светлой, и куртка белым пятном в темноте маячит. Иду и думаю, у него же деньги... может, при себе...

я за ним пошел, еще шаг ускорил, не знаю, на кой черт я это сделал. Просто... А он побежал. Вот если бы он не побежал, ничего не случилось бы, а он бросился, так у меня все

перевернулось внутри.

За ним бросился...

Бегу, сам в кармане ножичек сжимаю, который с собой носил, от хулиганов отбиваться... И все думаю, может, с собой у него эти деньги... Вот добежали мы до мостика, я на него и кинулся, и в траву его повалил, а дальше все как во сне было... Короче, начал он отбиваться, и лезвие у него вроде как в руке сверкнуло, и тут-то я свой ножичек в горло ему и всадил.

Ну не хотел я его убивать, припугнуть разве что... А оно вот все как получилось... А он захрипел и в траву покатился, и смотрю на него, а у него по губам кровь течет, и глазами стеклянными на луну смотрит.

Не хотел я так...

Ну тут я струхнул, убежал от него даже, потом вернулся, у него же деньги, мать их, чего ради я его грохнул, спрашивается... Наклонился к нему, страшно так, человек-то мертвый, никогда я раньше с мертвыми дело не имел... Ну ничего, обшарил курточку, молнию расстегнул, вот они, денежки, вот они, родимые, видно, что много, все пятишники...

Ну, домой побежал, хорошо еще, ножик там не потерял, вот, была бы улика... Боязно так было, и все мне казалось, что этот парень за мной гонится...

Домой пришел, одежду первым делом всю с себя в стирку бросил, господи, только бы крови не осталось, сижу, на руки свои смотрю, все думаю, неужели я это сделал...

Господи, что же сделал-то...

Да забудь, забудь, говорю себе, никто же не видел...

Потом давай деньги считать, смотрю, сумма-то хорошая получается... Тут и на взнос хватит, и много еще на что...

– А, сколько лет, сколько зим... Да, что-то Димон у нас какой-то никакой, что, друзей уже не узнает, что ли?

Я обернулся, вздрогнул. Я всегда вздрагивал, когда меня хлопали по плечу, говорили – привет... Мне казалось, все знают... Знают, что я сделал...

– Здорово, – я выдавил из себя улыбку.

Нет, Рината, я, конечно, рад видеть, очень рад... Даже после того, как он в универе сунул мне в сумку жабу, делать парню было нечего...

– Димон у нас теперь важная птица, по ресторанам дорогим ходит, – продолжал Ринат, – и жизнь моя... пошла по ресторанам...

– Да я каждый вечер сюда ужинать хожу... – я улыбнулся, – да угощайся, давай, что ли, коньячишко закажем, я плачу...

– Э, да у нас Димон теперь важная птица, коньяк в ресторане заказывает... по ресторанам, по ресторанам, по ресторанам... Это где он работает, интересно? – Ринат прищурился, посмотрел на меня.

– Да нет... фирму открыл...

– Фирму он открыл, гляньте-ка! – вспыхнул Ринат, – а я

все в менеджерах маюсь... Эх, пропащий я человек... Ну давай, рассказывай, как живешь-то...

– С ипотекой потихоньку расплачиваюсь, – признался я.

– О, он уже квартиру себе купил, – Ринат широко улыбнулся, разлил коньяк по бокалам, – ну, за встречу, что ли...

– За встречу, – кивнул я.

– Жениться-то не собираешься?

– Собираюсь.

– А меня даже на свадьбу не пригласил, – фыркнул Ринат.

– Да откуда же я знаю, где тебя носит...

– Да я все там же живу... Ты давай, рассказывай, ты как...

Что тебе еще рассказать, Ринат... Знаешь, я человека убил вон там, на дороге, где поворот переходит в мостик. Года два назад это было, по осени... молодой мужчина, куртка светлая, мускулистый такой, хоть и поджарый... а я его по горлу полоснул... Вот этими вот руками убил... Что, страшно? Да мне самому страшно. А у меня дела после этого в гору пошли... все так хорошо стало... Я бы уже ему эти деньги вернуть смог... Только возвращать некому...

Знать бы, как жизнь вернуть, не деньги, а жизнь...

На Луну летали, как родилась вселенная – знаем, айподы придумали – а как жизнь вернуть, не знаем.

– Да... – Ринат понизил голос, – я же что сказать хотел... Я человека убил.

– Что? – мне показалось, что я ослышался...

– Да вот... я же сам не хотел, главное... я же из района

выехал, хотел в город ехать, а он как на дорогу ломанется...

– Сам виноват, – отозвался я, – это я про пешехода... Ходят, где ни попадя, а потом на тебе... курица на улице едва не пропала, потому что курица ходит, где попало...

– Вот-вот... Все равно, страшно так... молодой мужик, ему бы еще жить да жить, может, жена, дети есть, а я...

– Да не бери в голову... знает кто-нибудь?

– Да нет, до сих пор не нашли... – он засмеялся почти истерически.

– Ты это тихо...

– Ну да... про то ни одна живая душа не знает, ты только...

Мы вышли на вечернюю улицу, в гости его пригласить, что ли, да ладно, возни много, а я устал...

– Ты куда? – одернул я его, – тут перехода-то нет...

– Да тут все ходят... Ишь какой, спохватился, что перехода нет... пошли...

Ах, черт...

Визг тормозов...

Скрип...

Черная машина подбросила Рината, покатила дальше, исчезла за поворотом.

Нажал на телефоне сначала ноль-три, потом ноль-два, спохватился, что не запомнил номер машины... Это плохо... плохо... Черная машина... Вроде ауди... на ауди не похоже... или...

– Насмерть – кивнул человек в синей одежде, что за мода пошла у медиков...

– Да как... я только что с ним сидел, он дышал... и сердце...

– Ну только что не только что, а сейчас он готов уже... номер запомнили?

– Да нет...

– Плохо... вообще чего ради вы здесь, без перехода поперлись? Эх вы...

Руки похолодели...

– Что-то подсказать?

– Да нет, спасибо. Я уж сам посмотрю.

Девушка скользнула за вешалки, продолжала оттуда подглядывать за мной.

– Не бойтесь, без покупки отсюда не уйду, – я улыбнулся.

Она осклабилась в ответ. Покупать ничего не хотелось, на люди выходить не хотелось, но надо было покупать что-то к осени, надо было жить дальше, надо было раскручивать бизнес, пропади он пропадом...

Все-таки зря я, что ли, парня этого тогда убил, самому теперь надо жить... За себя и за того парня...

Про убитого никто ничего не знал, я спрашивал у полиции, у дэ-пэ-эсников, сам на себя навлекал подозрение – никто ничего не знал. Даже специально пару раз проходил по тому мосточку над железной дорогой, смотрел в траве –

тело исчезло, будто его не было вовсе.

Тем лучше...

И все-таки – боязно.

Прошел до конца ряда – Осенняя коллекция, распродажа, скидки 30%

А потом кто-то как будто ударил меня по лицу.

Нет, этого быть не могло...

Вот черт...

Стоял, смотрел, повторял про себя – акция, скидки, тридцать процентов...

А он стоял и смотрел на меня, и улыбался. Тот, кого я зарезал пять лет назад, стоял и улыбался, и на нем была все та же светлая куртка... молния, я ее тогда расстегивал...

– Возьмите, очень модная сейчас...

Я посмотрел на куртку, засмеялся, меня прямо пробрала истерика, я смотрел на манекен, высокий, тонкий, манекен смотрел на меня, улыбался.

– А... куртка эта у вас откуда?

– Недавно партия пришла из Турции... полгорода в таких ходит.

При слове полгорода у меня отлегло от сердца.

– А я бы взял.

– Берите, не пожалеете... скидочку еще пять процентов сделаем...

Сам не знаю, зачем взял. В память об умершем, может...

– Десять.

Нехило...

Вышел на улицу медленно, как по пустоте, мне казалось, все смотрят на меня, видят, кто я такой, только что пальцами не показывают.

Так... с утра пораньше в офис... А сегодня Ирине денег обещал, что она там хотела... шубу... что за человек, до воскресенья подождать не может, вынь да положь ей эту шубу...

ВЫБЕРИТЕ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ...

ВЫБЕРИТЕ ОПЕРАЦИЮ...

СНЯТИЕ НАЛИЧНЫХ...

Остаток свой я и так знаю... Шестидесяти штук ей хватит, а что для Иринки не сделаешь, для них же, для любимых живем...

Огляделся затравленно – так и кажется, что за мной все следят со всех сторон. Кому не лень...

Домой...

А домой ехать через этот мостик треклятый. Мне все казалось, что убитый подстерегает меня там, со своим ножом в своей светлой курточке, – загнивший труп с пустыми глазами.

Чушь какая... мне же на машине ехать, не пешком идти...

Вырулил на трассу, сердце сжалось. Господи, знать бы, где этот бедолага, которого я зарезал – так и кажется, что где-то поблизости.

Ищет меня... а я бы мог сейчас ему вернуть эти деньги,

знать бы еще, как можно человеку жизнь вернуть – были бы квиты.

Знать бы...

Машина чихнула, заглохла, я механически набрал номер автосервиса. Машины чинить не умею, и никогда не умел, один черт знает, что там в этих моторах, черт знает, а я не знаю. Ирина говорит, что это для мужика стыд и позор... А тем не менее замуж-то вышла не за автослесаря, а за директора фирмы...

Сердце красавицы...

– Нет, это в ремонт надо, – отозвался парень, который вылез из эвакуатора.

– Ну и что теперь... взамен-то что-нибудь дадите?

– А, машину-то другую? Не, разобрали все...

– Совсем хорошо... Жаловаться на вас буду.

– Да жалуйтесь, сколько хотите, а сделать ничего не могу... Я свою машину отдал...

– Очень за вас рад...

Я посмотрел вслед эвакуатору, пошел вдоль обочины. Доехать бы на чем-нибудь, вот и газелька стоит... я протянул водителю бумажку, шофер посмотрел на пятерку с тремя нулями, покачал головой. Побрел дальше вдоль трассы, идти не хотелось, даром, что идти было недалеко.

Мостик был рядом, я шел, оглядываясь по сторонам, мне все казалось, убитый ждет меня где-то... Интересно, кто это был... какой-нибудь бизнесмен молодой... А может, и вор,

обокрал кого-нибудь, тут я его и грохнул...

Мне хотелось, чтобы он был вором... тогда я как бы не виноват... вернее, виноват, но меньше...

Свет фар прорезал сумерки...

Еще раз...

Ещ-ще....

Поднять бы руку, прыгнуть в машину, друг, довези до города...

Ладно, осталось совсем чуть-чуть...

А потом в наступившей тишине я услышал шаги. Господи... обернулся, посмотрел на худого парня, идущего следом, в задрипанной куртешке с сумчонкой через плечо... С тренировки с какой-нибудь идет... На всякий случай я пошел быстрее, он ускорил шаг, это мне не понравилось. Я снова обернулся...

Я снова обернулся...

Обернулся...

Снова...

Я...

Нет, это ошибка какая-то. Наваждение, сон, уже собственной тени боюсь, вот уже и мерещится мне черт знает что. Но никакой ошибки не было: сзади шел я, еще тощий, с дряблыми мускулами, кажется, с такой стрижкой я ходил первый год после универа, когда только устроился работать, и за квартиру платить было нечем...

Он шел за мной, нащупывая что-то в кармане, я уже знал,

что у него там, я и сам всегда носил нож в правом кармане брюк...

Я бросился бежать, сам не знаю, зачем, я уже чувствовал – ничего хорошего от него ждать не приходится. Он метнулся за мной. Я уже знал, что он побежит за мной, худой, щуплый, кажется, с таким легко справиться, кажется...

– Стой! – крикнул я в темноту, – стой, парень! Это же я! Это же ты... это же...

Сам не помню, что говорил, задыхался на бегу, отвык я бегать, здорово отвык... он бежал за мной, я видел лезвие в его руке, только этого еще не хватало...

Только бы добежать до города, только бы добежать... Там гипермаркет недавно открыли, Молнию, кажется, можно за- теряться в толпе...

Было страшно – и в то же время стыдно за свой страх, вообще чего ради я сам себя испугался, может, договоримся... Да что может, что я, сам с собой договориться не смогу...

Я повернулся к нему, и он швырнул меня на землю, лицом в щебень, это было больно... Оставь, парень, оставь... Я выставил ножичек, пытаюсь защититься, что-то царапнуло меня по горлу.

– Парень... да ты...

Я пытался сказать что-то, не мог, голос меня не слушался, из горла с клочком вырывался хрип... Надо было раньше остановиться, с ним поговорить, надо было вообще бросить ему эти деньги, пусть делает с ними, что хочет...

Надо было...

Только теперь уже неважно, что надо было...

Как холодно... горячая кровь по руке...

Интересно, петля времени только на этом мостике есть...

уникальная...

Он, то есть я, шарил в карманах. Молнию расстегни, вот так, молодец...

Да что я знаю про этот мостик на повороте...

Знаю только одно, каждый вечер в половине седьмого я буду здесь убивать...

Традиция...

2011 г.

Музей людей

А у нас музей уникальный, таких всего два в мире. У нас и еще в Вавилоне, не в старом, где башня разрушенная, а в новом, где...

Ну да.

Вы знаете.

И вот еще у нас. Уникальный музей. Вы заходите, не стесняйтесь, потом рассказывать всем будете, что там были. Все обзавидуются.

Да-да. Вы не ошиблись. Именно так.

Музей людей.

Не-ет, что вы, это не все экземпляры коллекции, это только начало. Вот сюда в зал пойдете дальше. А всего таких залов у нас... гхм... три тысячи. Хотя нет, три тысячи, это месяц назад было, сейчас и больше.

Вот посмотрите, маркиз... а? да я откуда знаю, какой маркиз. Я же не экскурсовод, я смотритель музейный. Экскурсовод завтра будет. Вы завтра приходите... а? Уезжаете уже завтра?

Ну, ей-богу, не знаю я, чего за маркиз. А вот граф. А вот крестьяне. А это вот серийный убийца был. Да-да, был. Вы не беспокойтесь даже, они все были. Давным-давно.

Теперь-то их нет.

Пройдете дальше. Ну вот, можете открытки кстати ку-

пить, вот фотографии людей. Карл Двенадцатый, или вот, Фридрих Великий... изваяния вот каменные тоже продаются. Петр Первый, Екатерина Вторая... тысяча единиц. Дорого? Ну что вы хотели, единственный музей в своем роде. В Вавилоне еще, правда, есть, ну до Вавилона еще пилить и пилить. А этот вот рядом.

Да-да, там залы тоже работают. Вот, можете посмотреть. Да, это тоже все люди. Это вот первооткрыватель, исследователь. Ну, который первый на незнакомую планету высаживается. Это вот координатор. Что такое, не знаю, нет еще такой профессии. Да и вообще говорю же я вам, не экскурсовод я, смотритель. Экскурсовод завтра будет. А-а, вы завтра уезжаете уже...

Вот это вот связист, между планетами связь настраивает. Это вот виртуал. Ой, не знаю я, то ли в виртуальной реальности живет, то ли в реальной живет, а виртуальную реальность делает. Говорю же вам, нет еще такой профессии...

А? Ну да. Это все люди будущего. Вот, видите же, зал будущего. Ох, намучились мы этих людей собирать, скажу я вам. По всему космосу. Этого вот я лично привез, на луне когда был... ну да, я много где бывал, работа такая.

Что, простите? А нет, людей настоящего здесь нет. Ну как же они здесь будут-то, люди-то настоящего. Они в настоящем. Кончится их время, они сюда вернутся. А туда эти пойдут, которые сейчас в зале будущего...

Молчат люди.

При посетителях молчать надо. А то еще напугается посетитель, шуточка ли дело, пришел в музей, а тут люди разговаривают.

Так что тихонько надо.

Стоят за витринами.

Вспоминают свое прошлое. Только и осталось, что вспоминать.

Много чего вспоминают.

Вон человек стоит – Москву защищал. А вон стоит человек – он жил, когда и Москвы никакой не было.

А вон человек стоит, который первый крылья придумал. И на них полетел.

Разбился, конечно.

А вот Тамерлан. Да-да, тот самый. Пирамиды из черепов складывал. И все такое. Ох, велик был Тамерлан, а кому сейчас дело есть до его величия, заткнули его в угол между неизвестным скифом и каким-то парнем из Панамы, он в двадцать первом веке жил, из Панамы в Голливуд приехал, хотел актером быть, а его на улице ограбили и убили.

А вот еще было...

Было... было... было...

Ох уж это было.

Молчат люди. Которые были. Которых больше нет.

При посетителях-то говорить нельзя, а то еще напугаются. Шуточка ли дело, в музей пришли, а тут нате вам, люди

разговаривают.

Вспоминают.

С ненавистью смотрят на тех, которые будут. Вон этот вон стоит, виртуал, у него еще все впереди. Он еще только делает первый шаг, он еще только скажет первое слово. Получит первую двойку, или нет, у них, вроде бы, двойки уже не ставят. Он еще только будет сидеть перед конструктором, создавать миры.

Или вон еще. Тоже еще ничего не сделал, ну ничегошеньки. А уже смотрят на тебя как... даже не скажу, на что. Потому что будущий исследователь. Который будет первым опуститься на планеты, погружаться в незнакомые миры.

Они еще будут.

А тех уже нет.

Ненавидит старый Тамерлан тех, кто будет. Ненавидит. Не так ненавидит, как тут все старые новых ненавидят. А люто, бешено. Тамерлану, главное, ночи дожидаться, когда посетители уйдут. При посетителях-то не забалуешь. А вот как уйдут все, вот тогда можно и...

И...

Все расходятся.

Нет, еще не все, еще смена должна прийти. Отживших с земли принесут, а тех, кто не жил еще, унесут жить на землю.

А там и все.

Там что хочешь делай в пустом зале.

Тамерлан потихоньку сходит с места. Подбирается к тем, которые будут. Которых еще нет. Ох и задаст им Тамерлан жару. А первой всех жару задаст этому... самому... который виртуал. То ли живет в виртуальных мирах, то ли в реальном мире живет, виртуальные делает.

Не знает никто.

Он сам еще не знает. Его же еще нет.

Подбирается Тамерлан, обнажает саблю...

И замирает.

Вот как всегда, рассвет некстати подкрался. Рассвет, он такой, он всегда некстати. А после рассвета нельзя Тамерлану тут хаживать.

Его же нет уже.

Отжил свое.

И проворонил свое. Сейчас люди придут, заберут виртуала, и остальных с ним заберут – пора уже ему в мир выходить.

Пробивается рассвет.

Заходят служители. Но не забирают никого.

Виртуал оборачивается. Не понимает. Почему никто не пришел, почему его никто не забрал, ведь сейчас его очередь, ну не сейчас, ну следующая, но почти-почти-почти его-его-его...

Новые люди прислушиваются, ловят обрывки разговоров, фраз, да какое там, да все уже, нечего там с земли доставать...

Виртуал не понимает, виртуал еще надеется на что-то, сам не знает, на что.

Все уходят из залов.

Гаснет свет.

Люди перешептываются, переговариваются, благо, нет никого.

Тамерлан соскакивает со своего постамента, крадется через темные залы.

Виртуал отворачивается, кусает кулаки – до крови.

Тамерлан кладет руку на плечо виртуала, хочет сказать что-то в утешение, не знает, что, спохватывается, что даже не знает, как зовут.

Виртуал коротко всхлипывает.

– Вы понимаете... вы были... были... а мы уже...

Тамерлан кивает, бормочет что-то утешительное на своем языке, непонятно что...

2015 г.

Музей разговоров

– Что-то конкретное подбираете?

Оглядываю полки, наугад тычу в номер четырнадцат�-двадцат�.

– Вот этот... давайте.

– Прослушивать будете?

– Естественно.

Смеемся.

– А что, бывают и такие, без прослушки берут. Говорят, потом сюрприз будет.

Продавщица ставит на прослушку. Жду. Если опять какая-нибудь банальщина, уже не знаю, что со мной будет. Хотя нет, здесь банальщин быть не должно. Магазин всё-таки, не свалка.

– Центр поддержки слушает.

– Девушка... у меня тут дело такое... вы меня слышите?

– Да-да, слушаю вас, что у вас случилось?

– Ну, вы понимаете... я кредитов нахватал...

– Отдавать нечем?

– Да... понимаете, сколько работал, все под откос...

– Да, да. Как вас зовут?

– Антон.

– Хорошо, Антон, так вы говорите...

– Я на окне стою... я спрыгну... спрыгну...

– Ну, хорошо, хорошо, а другие варианты вы не рассматривали?

– Да какие другие варианты, вы понимаете, что я из-за этих кредитов квартиру продал? Я теперь лузер получается, неудачник, я...

– Да подождите вы, а если...

Короткие гудки. Продавщица смотрит на меня с восхищением и завистью.

– Ну, вам вообще повезло...

– А что?

– Так это же что получается... смерть человека записана. Это же вообще уникам, таких записей раз-два и обчелся.

– Да на рынке полно.

– Это полно таких, где с человеком случилось что-то.

А тут человек сам. Понимаете, сам!

Только сейчас понимаю, какая редкость попала мне в руки.

– Вы себе берёте?

– Девушке в подарок. Она этим делом увлекается.

– А, ну так давайте еще упакуем красивенько... – продавщица смотрит на ценник, чувствую, как мысленно скрипит зубами, нда-а, продешевили с ценой, продешевили...

Расплачиваюсь.

Чувствую себя героем.

Выхожу в вечерние сумерки, прижимаю к себе драгоценную запись, так и кажется, вырвется сейчас из рук. А что, бывает, и вырываются, и вылетают...

Машина бросается мне наперерез, черт, так и задавить недолго... Отскакиваю, машина шарахается за мной, точно хочет сбить...

– Молодой господин... разрешите на пару минут вас... – из машины вываливается что-то необъятное, шагает ко мне, – извините, ошибочка тут случилась... разговор-то этот я должен был купить, а вы перехватили.

Что-то прорывает внутри, азарт какой-то, давненько не было.

– Чего ради вы должны были?

– Уговор с магазином был, а ты...

– Был бы уговор с магазином, фиг бы мне продали.

– Уж больно ты грозен, как я погляжу... За сколько уступишь?

– Да ни за сколько не уступлю, девушке купил.

– Слушай, я твою девушку озолочу. Что ха-ха, серьезно говорю, озолочу, машину надо?

– Она у меня разговоры собирает... фанатка законченная...

– Я твоей фанатке хоть сколько на рынке накуплю...

– На рынке фуфло всякое, а девушка у меня особа утонченная, ей фуфло не надо.

– Парень, ты разговор-то верни, тебе с полицией пробле-

мы надо?

– Это у вас с полицией проблемы будут.

Нечто необъятное делает шаг ко мне, отталкиваю, бегу в темноту ночи, в шорохи дождя...

– Вала?

Не отвечает. Первый раз такое, что выхожу на связь, она не отвечает. Ладно, Валу вызывать, это себе дороже, надо было сразу на два часа позже приходиться, когда Вала придет. Только по закону всемирной подлости Вала тогда придет минута в минуту.

Жду.

Хожу между рядами прилавков, смотрю разговоры. Здесь-то разговоры так, бросовые попадают, типа там – привет, чего делаешь, да ничего, как дела, да нормуль... Такие разговоры только на ниточку нанизать и вместо бус носить.

Есть, конечно, разговоры и получше. Вот, например...

– Ма, а ты когда придёшь?

– Ну Дашуль, ну работаю я, ну что ты хочешь...

– Ма, а мне одной страшно!

– Даш, ты большая уже, привыкать пора...

– Ма-а-аленькая!

– Даша, не отвлекай меня, видишь, работаю?

– Мам, а у меня под кроватью чуня!

– Какая еще чуня! Даша, не отвлекай меня, я тебе сказала!

– Чуня, большая, страшная!

– Вот будешь мне названивать, вот придет она, тебя забереет!

– Ма-а-а-а!

Детский крик, рвущий душу, рычание чего-то неведомого, гудки.

– Будете брать? – с надеждой спрашивает торговка.

Колблюсь. На тот сон ушло ползарплаты, еще ползарплаты я не отдам. Или порадовать Валу, остаток декады потом у неё кормиться...

Вынимаю монеты, приглядываюсь, спохватываюсь:

– Дайте-ка на разговорчик глянуть...

– Да слушали уже, хороши уже на халяву-то слушать!

– Да нет, вы взглянуть на него дайте!

Смотрю. Как следует. Не как дурачье всякое, на срок годности глянет и визжит от восторга, даже не подумает, что срока годности у разговора быть не может.

А тут не на срок надо смотреть. А вы кристалл переверните, в который разговор упакован, и потрясите. Если трясется беззвучно, значит, настоящий, а если зашуршит труха – подделку подсунули.

Трясу. Слушаю шорох.

– Что скажете?

Продавец начинает бормотать что-то про дефекты упаковки, но уже чувствует – битва проиграна. Оглядываюсь, ищу полицию, да быть не может, чтобы не было...

Вздрагиваю.

Сигналов бедствия мне еще получать не доводилось. На силу ищу, откуда сигнал, вот черт, Вала...

Бегу. Через рынок, через толпы, через куда-прешь-парень-получишь-шас, через прилавки, через собственную тень, через тень не получается, бежит впереди, окаянная...

– Вала!

Распахиваю дверь, замираю на пороге, бряцает хрустальный колокольчик на двери, падает, разбивается вдребезги, Вала меня убьет...

– Вала?

Дом не отвечает. Ветер играет с пальмами, прячется в тени.

– Вала!

Вхожу в покои Валы, сейчас начнется, куд-да пришел, да не одетая я, да не накрашенная я, да не надушенная я...

Вала лежит на коврикe, уснула, что ли, сундуки по углам выпотрошены на пол, как всегда, начала Валуша бусы искать, пока всё не перерыла, не успокоилась.

– Вала?

Только сейчас замечаю черную лужицу под горлом Валы, ах ты ж черт...

Начинаю догадываться. Распахиваю сундук, где Вала припрятала разговор, так и есть, нету...

– Давно её знали?

– Года три.

Страж порядка смотрит на меня. Нехорошо смотрит.

– Ссоры из-за чего-нибудь были?

– Ну... по мелочам.

– По мелочам, это что?

– Ну, там я к ней зайду не вовремя, она крыльями захлопает, а-а-а, я ненакрашенная, а-а-а, я ненадушенная...

Страж порядка смеется.

– Женщины... Ну а серьезные конфликты... были?

– Да нет... Ну было, когда колокольчик над дверью уронил...

– Ревновали?

– Кто ж не ревнует, – наконец, говорю то, что хотел спросить уже давно, – вы не знаете... кто у нас разговоры коллекционирует?

– Какие еще разговоры? Жена моя коллекционирует, рот не закрывает.

– Да нет. Телефонные.

– Сынуля мой. Это у них повально в школе, собирают все эти чмоки-чмоки-приветики... копеечные.

– Да нет... дорогие разговоры.

– Ну в музее, например... этот... – страж порядка жестом показывает что-то большое, грузное, – за разговорами редкими гоняется, душу дьяволу продать готов за разговор хороший... У сынули у моего за сотку разговор перекупил, стой, как его... Ваш и Тон – Крем. За копейки перекупил, сынуля мой домой пришел, как медный таз светится, а я де-

нег заработал... я потом в музее глянул, эта штука-то, Ваши-Тон-Крем миллиарды стоит... Ах ты, думаю, гаденьш... да не сынуля мой, дядька этот музейный... Хотя сынуля мой тоже туда же... на полке с посудой повис, оборвал на хрен...

– А музей у нас где?

– Ну, вы даете... у него женщина умерла, а он по музеям ходит.

– Да нет, вы не понимаете...

Чувствую, что я и сам не понимаю. Не могу объяснить...

– Ну, хорошо. Пройдемте.

– К-куда?

– В отделение. До выяснения обстоятельств...

Начинаю понимать. Так-то с интуицией у меня хуже некуда, только тут как торкнуло что-то.

Конфликты были?

Ревновали?

Ну-ну...

Прыгаю в окно, отталкиваюсь от подоконника, – я такие штуки только в кино видел, где внизу подписано – трюк выполняет профессиональный каскадер, не пытайтесь повторить, и все такое...

Расправляю крылья. Взмахиваю, хорошо хоть против ветра, поднимаюсь в небо, выше, выше, нет, сильно высоко не надо, радары засекут, там и упекут, и забросают газеты заголовками – уборщик из столицы убил свою женщину на почве ревности...

Музей, музей, где этот чертов музей может быть, да что значит, где, в центре города, сколько раз мимо этой громадины проходил, как-то даже не задумывался, что музей. Учила все причитала, ах, ах, дети, вы когда в последний раз в музее были? И кто-нибудь отвечал – мы вчера мимо проезжали...

Опускаюсь на крыльцо. Надо спешить. Пока не растрезвонили по всему городу, разыскивается такой-то, особые приметы такие-то, за поимку столько-то. Шагаю в дверь, матерый охранник преграждает путь, ага, началось... в деревне утро...

– Вы... вы чего? Я что-то сделал не так?

– За музей-то платить надо... мил человек.

Спохватываюсь. Хорош я, в музей на халяву поперся.

Расплачиваюсь. Почему так трясутся руки, почему... перевозжу дух, иду как по воздуху, тут бы не столкнуть что-нибудь, не уронить, и вообще не дышать...

– День добрый, в услугах экскурсовода нуждаетесь? – что-то массивное, необъятное вываливается на меня из залов, ага...

– Нуждаемся. Очень. Я, собственно, разговоры хотел послушать...

– О-о-о, как приятно видеть знатока! У нас тут разговоры особенные, это вам не рыночные привет-пока...

– Да, вот я особенные и ищу...

– Ну вот, например, гордость наша, Ваш-и-Тон-Крем.

Уникум, скажу я вам... вот пожалуйста, Добрынин-Трояновский... Имена-то какие! Вот, послушайте, любимое мое – Мы должны получить ответ из Кремля сегодня же, в воскресенье. Осталось очень мало времени для разрешения проблемы... Красиво звучит, правда? Гармония какая... ма-ло-вре-ме-ни... мелодия...

– Это который вы у пацана за сотку перекупили?

– Верно говорите.

– Ну-ну... а разговор миллионы стоит.

– Ну что вы хотите, это же быдло, им только разговоры дорогие доверить... что они в этом понимают вообще...

– А скажите... а есть у вас такой разговор, где парень хочет из окна выпрыгнуть, разбиться, на телефон доверия звонит?

– Слушайте, вы меня прямо по больному месту... Хотел у парня у какого-то выкупить, он уперся, а-а-а, я девочке своей подарить хочу... у девочки мозгов хрен да маленько, она этот разговор и не послушает даже... а-а-а, это ж вы и есть... слушайте, чесслово, хоть лимон дам, хоть два. Вижу, в разговорах разбираетесь...

Спрашиваю то, что надо было спросить давным-давно:

– Вы её... грохнули?

– Чего говорите?

– Вы девчонку мою... убили?

– Да вы чего... убили её, говорите? Охренеть не встать, в наши времена женщину и ударить не смели, не то что

убить... вообще святого ничего нет...

– Вы мне зубы не заговаривайте, прекрасно знаете, я про что.

– Про что? С похоронами, что ли, помочь?

Бью. Что есть силы. Кулак впечатывается в необъятное, вязнет в нем, беспомощно отлетаю к дальней стене, со звоном и грохотом врезаюсь в витрину, нда-а, а вот мы шедевры и расколотили...

– Парень, ты полегче тут... Ну девчонку твою убили, я-то тут при чём?

– Да кто убил, если не вы?

– Ага, я же киллер со стажем...

– Ну, наняли кого-нибудь... чтобы разговор забрать...

– Ой, парень, чего ты обо мне думаешь... – спохватывается, – а что, разговор тоже пропал?

– То-то и оно.

– Так это торгаши.

– Какие торгаши?

– Рыночные, какие... Вот так продадут кому разговорчик, потом хоп – придут, обратно себе заберут... а девчонка ваша видно домой не вовремя вернулась, когда дом чистили, видно, отдавать сокровище свое не хотела... ценность все-таки... подарок любимого... Ну чего, парень, давай на рынок... пошукаем там... найдем торгоша. Только это, чур, разговор мне. А я уж тебе помогу убийцу найти, молодчики мои душу из него вытрясут... Ты не смотри, что они по му-

зею сидят, если надо, башку оторвут кому без проблем...

Вижу движение на лестнице, идут сюда, идут, и что-то подсказывает мне, что не посетители идут, не мариванна с классом, не уважаемые-туристы-посмотрите-налево, не... Да что подсказывает, черные мундиры, так и есть, полиция нагрянула...

– Парень, ты чё...

Распахиваю шкаф, забиваюсь на полку, расталкиваю разговоры, сны, чьи-то воспоминания. Хозяин открывает рот, чтобы заорать про культурные ценности, не успеваает – люди в форме входят, суют удостоверения, щёлкают каблуками.

– День добрый.

– И вам того же.

– Мы тут гражданина одного ищем... не заходил сюда?

Догадываюсь, что показывают моё фото.

– Добрые господа, я что, всех гражданов помню, которые сюда ходят? Стойте, дайте подумать... школьники сегодня приходили, на хрена их сюда таскают... старичок приходил... девки молодые... да и все вроде. День-то будний, кто ж придёт...

– Ну, вы гляньте, если придёт такой, вы нам скажете?

– Как не сказать... святое дело. И парням своим скажу, пусть смотрят во все три глаза...

Уходят. Осторожно приоткрываю дверцу, необъятная туша наваливается на шкаф.

– Двери все гнилые... сами открываются, сами чего хотят

делают... музей-то хрен финансируют, я все за свой счёт... правильно, городу музей не нужен...

Жду.

Вечность растекается по вискам.

Дверца распаивается, хозяин смотрит на меня, как на нашкодившего мальчишку.

– Ты еще выпрыгни перед ними, идиотище... как ребёнок, ей-богу, в прятки играет, и выскочит – а тут я. Жить надоело?

– С-спасибо.

– Да не за что... пра-ально, нашей полиции лишь бы труп на кого-нибудь повесить, а убийцы пусть дальше народ режут...

Спохватываюсь:

– А вы откуда знаете, что её зарезали?

– Так торгаши обычно и режут... ладно, давай на рынок... искать...

– Оно же как получается... игра природы. Вот шатались-шатались волны электромагнитные... и дошатались. Это же как у них получается, собираются в голоса, в мелодии... – музейщик сверкает на меня третьим глазом – и сами по себе! Понимаешь? Вот так! Сами!

Вымученно киваю. Не до разговоров мне, ни до кого, ни до чего. Найти убийцу, и... я не знаю, что и, но – и...

– Так мало того, их еще и расшифровать можно оказыва-

ется... выискался же парень, который спросил – а что эти звуки значат....

– А ему сказали – этого никто не знает.

– Во-во, а он сказал, буду знать... и узнал... как это он сам про себя рассказывает, небывалое чувство, когда понял, что звук Ай, это тебе не Ай, это говоривший сам себя обозначает...

Спрашиваю. Просто чтобы поддержать разговор.

– А может быть такое... что это не игра природы...

– ...что до нас в древности цивилизация была, от которой эти разговоры остались? Прессы бульварной обчитался, или как?

– Так пишут...

– На заборе тоже много чего пишут... – музейщик скалит три ряда зубов, за дорогой не следит, еле-еле придерживает руль кончиком хвоста, – ой, парень, ты хоть учебники-то читал? В школе-то учился? Мир сотворен двести лет назад из льда и пепла, за три дня, день первый – плоскость земли, день второй – плоскость неба, день третий – человек, который две плоскости в себе сочетает, по небу летает, по земле ходит. Откуда древним цивилизациям взяться?

Спрашиваю то, что хотел спросить давно:

– А кто лед и пепел создал?

– Па-арень, лед и пепел – первооснова мироздания, всегда был! Двойка тебе с минусом, чучело...

Подкатываем к рынку, торговцы наперебой расхваливают

товар, да вы посмотрите, какой разговор, тут по буквам слово передают...

– Ну что, парень, айда налево, там все эти нехристи собираются...

Хочу идти налево за нехристями, что-то торкает внутри, оборачиваюсь, смотрю на дальний ряд, где торговец фальшивыми разговорами...

Чёрт...

Торговец фальшивыми разговорами. Что-то обрывается в сердце, говорил я вам, с интуицией у меня не очень, но тут что-то обрывается...

– Это он украл.

– Это в которого пальцем тычешь?

– Вон... с большим носом.

– Тю-ю, этот мухи не обидит, что ты, в самом деле...

Холодеет спина.

– Точно вам говорю, он...

Музейщик кричит что-то вслед, не слышу его, бросаюсь к прилавку носатого. Что я сделал, спугнул, спугнул, торгаш кидается в комнатухи за прилавком, чёрт...

Врёшь, не уйдёшь...

Бросаюсь за ним в комнаты, спотыкаюсь о темноту, мир рушится мне на голову, валится коленом мне на спину, скручивает руки...

– Чёрт...

– Вот так... еще мы тут бегать будем...

– Ты... убил?

– Кого? Я, брат, много кого убил...

– И разговор спёр?

– И разговорчиков много спёр... много вас тут таких... – торгаш обматывает мне клюв полотенцем, пусти, с-сука...

Оглядываюсь, почему не идет музейщик, почему не идет, видел же, как я к торгашу побежал...

– Ну, всё... полежи, подумай... разговорчик твой вот он, если что, можешь полюбоваться... за девочку уж извини, сама нарвалась, вишь, чего сделала... – показывает расцарапанную щеку, – отдавать не хотела, вишь, подарок дорогой... ну, брось, другую девочку тебе найдем...

Уходит. Хлопает дверь. Где музейщик, чёрт бы его драл, или все они заодно...

Пытаюсь дотянуться до передатчика, позвонить бы кому, да кому, в полицию, тут-то меня и сцапают... а у музейщика даже номер не спросил...

А что, если...

Шальная мыслишка. Подключиться к разговору, который лежит на столе, еще не знаю, зачем, но может, через него смогу как-то выбраться. Это как в квестах, когда нужно выбраться из комнаты, и надо пробовать все варианты, самые немислимые, откройте сундучок, достаньте из него дополнительное время...

Подбираюсь к разговору, он вздрагивает, откатывается от меня, не бойся, не обижу. Вспоминаю какие-то детские

вопросы, а разговорам не больно, когда мы их слушаем...

Подключаюсь.

Слушаю.

– Центр поддержки слушает.

– Девушка... у меня тут дело такое... вы меня слышите?

– Да-да, слушаю вас, что у вас случилось?

– Ну, вы понимаете... я кредитов нахватал...

– Отдавать нечем?

– Да... понимаете, сколько работал, все под откос...

– Да, да. Как вас зовут?

– Антон.

– Хорошо, Антон, так вы говорите...

– Я на окне стою... я спрыгну... спрыгну...

Слушаю разговор, думаю, что дальше, ну хорошо, ну разговор, а как через этот разговор выбраться прикажете. Вот бы там оказаться, в комнате у этого парня, я бы сам из окна спрыгнул, крылья расправил и полетел...

Думай, думай... раз в жизни и подумать можно, как училка говорила, вот и настал этот раз...

Думай...

– Центр поддержки слушает.

– Девушка... у меня тут дело такое... вы меня слышите?

– Да-да, слушаю вас, что у вас случилось?

– Ну, вы понимаете... я кредитов нахватал...

– Отдавать нечем?

Мысленно переношу себя в комнату. Голову сжимает бо-

лю, отчаянно пытаюсь вырваться назад, не могу...

– Да... понимаете, сколько работал, все под откос...

Оборачивается, видит меня.

А я вижу его. Стоит жуткая тварь, будто вышедшая из ночных кошмаров, голова, покрытая шерстью, на бугорок третьего глаза и намека нет, пальцы не от плеч, а из безобразных выростов черт знает откуда...

Он шарахается от меня, смотрит по ту сторону окна...

– Не прыгай.

– А?

– Не прыгай. Нельзя так... нельзя...

Он протягивает руку – вздрагиваю, когда его пальцы касаются меня, мерзкие, горячие, вот черт...

– Не... не бойся... не трону. А ты... настоящий?

– Настоящий.

– А это у тебя... – касается кристалла со сном.

– Кристалл...

– Класс...

– Нравится?

– Ну... вообще... нехило живете...

Понимаю, что нужно делать.

– Хочешь, подарю? А ты не прыгнешь. Да? Тебе прыгать нельзя, у тебя крыльев нет... У кого крыльев нет, тому прыгать из окна нельзя...

...мир выворачивается наизнанку, моя голова тоже.

Кое-как выщарапываю свой рассудок из небытия. Чего-то не хватает, чего-то...

Вот черт...

Только сейчас понимаю, что разговор пропал. Совсем. Кристалл... кристалл я отдал, но кажется, он опустел до того, как я его отдал...

Распахивается дверь. Задним числом спохватываюсь, что хотел попросить совсем другое, не чтобы не прыгал, а чтобы крылья мне развязал... Хотя чтобы не прыгал тоже...

Торгаш смотрит на стол, а где разговор, а не ищи, нету...

– А... разговор где?

– Молчу.

– Куда дел, спрашиваю?

Не отвечаю. Торгаш хватается меня, понимаю, дело нештучное...

– Да я из тебя ду-шу-выт-ря-

Краем глаза замечаю черные мундиры, еще что-то необъяснимое вваливается в комнату, говорил я вам, говорил, он здесь....

– А разговор где? – спохватывается музейщик.

– Это он его прикарманил, скотина чертова! – взрывается торгаш.

– Ага, ври больше, чего мне разговоры прикарманивать?

– Да он это, точно вам говорю!

Поворачиваюсь к музейщику, пожимаю плечами:

– Ничего, дом его обыщем, и разговор найдём... может быть...

– Э-э-э... мне бы разговоров, пожалуйста.

– Вам какой? – торгош смотрит на меня, подобострастно улыбается. Не тот торгош. Другой.

– Да всех... помаленьку.

– А-а, это если что вон мёртвые разговоры есть, подешевле...

– Нет, мне живые нужны.

Торгош косится на меня, с ума я сошел, что ли. Сам кошусь на себя, с ума я сошел, что ли...

Очень похоже...

И все-таки будь я проклят, если не докопаюсь до тайны разговоров.

Языки:

Три основных:

Где я (первое лицо единственного числа) – это Ай

Где я – это Йа

Где я – это Во

Неосновные:

Где я – это Их

Где я – это Ана

Где я...

Упоминания географических мест:

Юс-Сэ

Дошлан

ЮнатеД киндо

Расси

Чунго

Это названия чего-то крупного. А для мест поменьше
и названия другие.

Ландэ

Мсква

Ньюо

Ирли

Ваш-и-Тон

Крем

Хотя, сдаётся мне, что Крем и Мсква – одно и то же.

Персонажи

Дашуль
Ир
Манюсь
Тимми
Кен
Боб
Сэмми...

Нет, с людьми что-то не то. Не понимаю. То один и тот же какой-нибудь Антон говорит то низким голосом, то визгливым. То один и тот же голос называют то Даш, то Дашуль, то мама...

Не знаю.

Чувствую себя беспомощным перед тем, что на меня навалилось. И все-таки черт меня дери, я на верном пути... Еще бы найти музейщика, связаться с ним, рассказать, что я тут выискал...

Распахивается дверь.

Вот так.

Внезапно.

Смотрю на необъятное нечто за дверью, ага, музейщик, легок на помине...

– Вы посмотрите, что я нашел-то...

– Я смотрю, что ты потерял-то, чучело ты гороховое. Разговорчик куда девал?

– Да не трогал я ваш...

– А ну, молодчики... разберитесь с человеком... а то что-то по-хорошему не понимает...

Молодчики разбираются, волокут меня в машину, даю себя уволочь, не отбиваюсь, помню, бошку оторвут без проблем.

Везут в музей. Не знаю, но догадываюсь – в музей. Лихорадочно соображаю, что соврать, что соврать, куда дел разговор, куда дел...

– Разговор-то куда дел?

Открываются двери музея, вымученно улыбаюсь, все еще пытаюсь обойтись малой кровью.

– Да... исчез куда-то.

– А что ты с ним сделал, что он исчез?

– Да ничего я...

– Ага, ничего, то-то про тебя говорили, что ты в разговор зашел...

– Больше верьте... где это видано вообще, чтобы внутрь разговора заходили.

– Не надо ля-ля, мои молодчики только так заходят, и ничего. Так что ты там, в разговоре наворотил, что он пропал?

Оглядываюсь, куда бежать, бежать куда. Прыгнуть бы опять в шкаф, да что в шкаф, в два счета вытащат...

Натыкаюсь на разговор. Гордость наша, жемчужина наша и все такое. Ваш-и-Тон – Крем.

– Ты... ты чего делаешь?

Беру разговор. Осторожно, чтобы не напугать. Мыслен-

но проговариваю про себя – Мы должны получить ответ из Кремля сегодня же, в воскресенье. Осталось очень мало времени для разрешения проблемы...

Рушится мир.

Вижу себя в большом зале, смешные уродцы шарахаются от меня, как черти от ладана, кто-то бормочет – о-май-гад...

Жуткая тварь косится на меня, чуть отступает назад.

– Вам... вам чего?

С трудом вспоминаю язык, расшифрованный по разговорам.

– Не... не заводите... пере... переговоры... в тупик.

– Что?

– Не заводите... переговоры в тупик.

– А вы кто?

От страха говорю правду:

– А я... мусор убираю.

– Тоже дело...

– Тоже дело. А вы переговоры в тупик не заводите. А то будет пепел и лед... и ничего не будет... ничего...

Мир выворачивается наизнанку.

Совсем.

Жду, когда сознание вернётся в тело. Не возвращается. Что-то происходит, меня больше нет. Еще не понимаю, что случилось, но чувствую – меня больше нет. Огромный мир переходит на другие рельсы, где нет пепла и льда, где нет

переговоров, зашедших в тупик. Вижу, как люди убирают с маленького острова что-то недоброе, несущее смерть, вижу, как мирятся две великие империи, вижу, как растут города, как часы отбивают год за годом, как машины поднимаются в небо, совсем не плоское, с земли, тоже совсем не плоской...

Хочу вернуться в свое тело.

Не могу.

Меня нет.

И нашего мира тоже нет...

– Дашуль, приветтики!

– Люсик, чмоки-чмоки, ну как ты там?

– Да ничего, помаленьку...

– Что делаешь?

– Да так... в ГУМе была, там такие сапожки классенькие выставили...

...обращаюсь ко всем, кто может меня услышать – войдите в разговор со мной. Повторяю: войдите в разговор со мной. Это просто. Только больно. Если вы войдете в разговор... вы сможете сделать так, чтобы в мире были и мы, и люди. Там во времени три ветви... на одной лед и пепел, а потом мы... на другой вы... а между ними третья... на которой можем быть мы все...

– Это еще чего?

– Да помехи, вообще телефон глючит... я такая своему

говоря, ты посмотри, у тебя девушка с каким позорным телефоном ходит, ты мне когда айфон возьмешь, а он мне такой...

2014 г.

Машинист, которого нет

Так-так, так-так, так-так...

Так поезд говорит. Так-так, так-так, так-так...

Так-то оно так, а дальше что?

А поезд не знает, дальше что.

Машинист знает.

– А машинист его знает, – говорит необъятная тетка с двумя необъятными баулами.

Присказка тут такая. Когда кто-то чего-то не знает, вот так говорит:

– А машинист его знает.

Да кто его видел, машиниста-то, – фыркает дядька со сканвордами, сканвордов в поезд набрал, что с ними делать, не знает.

Люди начинают ворчать, говорят про машиниста, которого не видел никто, да и есть ли вообще этот машинист, или нет никакого машиниста, выдумали тоже, скажете тоже – машинист...

Так-так, так-так, так-так.

Иду, покачиваюсь в такт поезду.

Так-так, так-так, так-так.

Так-то оно так, а потом что?

А ничего.

А суп с котом.

– Проводник где? – вопит необъятная тетка, вваливается в конец вагона.

Говорю как можно спокойнее.

– Я проводник.

– Ой, а стакан у вас можно попросить? Фирменный, с под-стаканником...

– Отчего ж нельзя... очень даже можно.

– А вы здесь давно? – не унимается тетка.

Пожимаю плечами, а как же иначе, проводником жил, проводником и помру.

– А то посидите с нами... пока то да се.

Иду сидеть с ними. Пока то да се. Пьем чай, постукивают ложки в такт поезда, так-так, так-так, так-так.

– Поезд-то, говорят, особый какой-то, правительственный, – говорит тетка, она Клавой представилась.

– Где ж вы такие правительственные поезда видели, правительственный, он бронированный весь, – не соглашается мужик со сканвордами.

– Ой, да ну, я по телевизору видела, правительственный поезд это!

– Да по телевизору еще и не то покажут, по телевизору вон Гарри Поттер на метле летает, что, тоже правда?

– Ой, да ну вас! – Клава умоляюще смотрит на меня, будто спрашивает, правительственный это поезд, или какой. Раз-

вою руками, хоть убейте, не знаю, что за поезд, правительственный, или какой еще, мое дело маленькое, я же проводник...

– Молодой человек, – дядька со сканвордами заговорщически поворачивается ко мне, – вы тут давно?

Пожимаю плечами, проводником родился, проводником и помру.

– Машиниста-то никогда не видели?

– Не приходилось.

– А вы сами как думаете... есть машинист?

Пожимаю плечами.

– Нет-нет, вы плечами-то не пожимайте, вы мне скажите, вы вот как думаете, есть машинист, нет?

– Да нет, наверное.

– А зря так думаете, ой, зря. Думаете, кто поезд-то построил? Кто по рельсам пустил? Куда? Откуда? Не задумывались? Правильно, молодые, что им думать-то... а я вам скажу, если поезд есть, значит, кто-то его создал. Так? Не-ет, молодой человек, это разобраться надо, а то так всю жизнь проживете, ничего кроме поезда и не увидите...

Хочу сказать – а что мне еще нужно увидеть кроме поезда. Не говорю.

Так-так, так-так, так-так.

Так поезд говорит.

Так-то оно, конечно, так...

Выхожу из подсобки с подносом, – время разносить чай, иду по коридору, поезд делает крутой вираж на повороте, поднос выскакивает у меня из рук, рушится на человека в полицейской форме. Вижу генеральские погоны, неуклюже отдаю честь, неуклюже бормочу какие-то извинения...

– Ничего, ничего... как говорят, стирай не стирай, все равно запачкается, – кивает генерал, – я что пришел-то... Покушение на машиниста готовится.

Вздрагиваю.

– А... кто покушается?

– Вот ты и выяснишь, кто.

– Я?

– Ты, кто еще-то. Ты же у нас по вагонам ходишь, смотришь все... Так?

Так-так. Так-так. Так-так, – говорит поезд.

Хожу. Смотрю. По вагонам.

А что тут ходить-смотреть, входят, выходят на каждой станции, хочу спросить, откуда они вышли, куда они идут – не спрашиваю.

Мне не положено.

Да и не знают они. Разок нарушил устав, спросил-таки у пассажира, куда он едет, он ответил – куда поезд, туда и я. А когда спросил, что делать будет, когда сойдет с поезда, он чуть не проломил мне голову.

Было, было.

Так.

Так-так. Так-так.

Несется поезд из ниоткуда в никуда.

Это он может.

Смотрю в поток одинаковых лиц, за годы работы все лица сбиваются в однообразную серую массу.

Думаю, кто из них может устроить покушение на машиниста. Да не покушение. Убийство. Почему-то мне не верится, что машинист спасется.

Думаю, сколько раз менялись у нашего поезда машинисты.

Не знаю.

Обхожу поезд как всегда вечером. Люди бросаются ко мне с просьбами, пожеланиями, тому чай, этому кофе, у той постельного белья нет, этой холодно, тому жарко...

Как всегда.

В изнеможении добираюсь до последнего вагона, дальше головной вагон, где машинист, если вообще есть какой-то машинист. Заглядываю в последнее купе, все ли на месте, не нужно ли чего, дядька со сканвордами встречает меня широченной улыбкой.

– А-а, сколько лет, сколько зим... ну что, как живете-можете?

Вымученно улыбаюсь.

– Помаленьку.

– Вот и отлично... вы тут вроде как давно уже?

– Да... всю жизнь.

– А дальше куда планируете? Молодой еще...

Пожимаю плечами, чего ради я должен что-то планировать.

– Чего плечами жмете?

– Мне и здесь хорошо.

– Чего и здесь хорошо... Большому кораблю большое плавание... Я-то в ваши годы...

Наношу ответный удар:

– А вы кто?

– Я-то? В советниках у машиниста хожу.

– А серьезно если?

– И я серьезно.

Оживляюсь.

– Что... самого машиниста видели?

– М-мил человек, кто ж вам машиниста-то покажет? Я с ним только так переписываюсь... он мне инструкции какие, я ему соображения свои...

Смотрю на него. Не верю. Не бывает так, что хотите со мной делайте – не бывает.

– Так-то, молодой человек... думаете, здесь все мелкие сошки едут... а нет...

Осторожно говорю.

– А может... нет никакого машиниста... может... это фикция? Откуда сами знаете, кто вам письма эти... шлет?

Дядька со сканвордами хочет возразить. Не успевает,

в купе вваливается необъятная тетка в пеньюаре, валится на нижнюю полку, ой, мальчики, спокойной ночи всем, пошла я спать...

С трудом подавляю зевок.

– Что, умучили вас сегодня? – спрашивает дядька.

Есть маленько.

– Да не маленько, вижу, из вас сегодня все соки выжали...

спать ложитесь, вот что я вам скажу...

– Мне начальник потом такое «спать» устроит...

– А вы здесь ложитесь, сюда, чай, начальник ваш не сунется. А я покурю пойду.

Даже не говорю, что в поезде нельзя курить. Вытягиваюсь на полке, закрываю глаза.

Дядька выходит.

Потихоньку соскальзываю с полки, иду за ним. Так и есть, направляется в сторону первого вагона, в святую святых.

Выжидаю.

Он выходит в тамбур, ощупывает массивную дверь вагона впереди.

Так-так, так-так, так-так.

Дядька открывает замок. Неожиданно легко.

Вынимаю из-за пазухи кольт. Тоже неожиданно легко.

Дядька тоже вынимает кольт, целится в невидимую в темноте фигуру машиниста.

Спускаю крючок.

Дядька падает к моим ногам, болтается его окровавленная

голова, бьется о стены вагона, так-так, так-так, так-так.

Так-то оно так...

Волоку тело в тамбур, распахиваю дверь, бросаю убитого под откос. Тело кувыркается в темноту ночи. Еще пол нужно вымыть, да поскорее, пока не прошел никто, а то побежит меня дергать, а-а-а, у вас там чегой-то красное разлили...

Ну-ну...

Знали бы они, чего это красное...

Распахивается купе, вот черт, не успел...

– Стреляли?

Смотрю на начальника полиции, ну этот-то хоть не будет орать из-за не вытертой лужи...

Поясняю:

– Один тут покушался на машиниста.

– Где преступник?

– Я убил его.

– Отлично. Поезд может вами гордиться.

– Служу поезду.

Полицейский уходит. Дотираю-таки кровавые потеки. Оглядываюсь, не видит ли меня кто.

Нет.

Не видят.

Иду к кабине машиниста, думаю, почему у меня так потеют ладони, почему так бешено бьется сердце...

Поворачиваю ключ в замке.

Вхожу. За дверью никого нет. Я уже знал, что за дверью

никого не будет.

Сажусь за пульт. Потираю руки, почему так потеют ладони всякий раз, когда иду сюда...

Так-так, так-так, так-так, – говорит поезд.

Киваю – так, так.

Веду поезд. Это днем его можно на самотек пустить, а ночью следить надо, развилки до черта и больше, только и успевай поворачивать состав.

Успеваю.

Поворачиваю.

Думаю, кто завтра придет искать меня здесь, чтобы убить.

Так-так.

2015 г.

Между небом и землей

Я стоял между небом и землей.

До земли был один шаг и до неба был один шаг, я стоял на стыке миров, ждал у ворот. Изредка на меня посматривал охранник в воротах, что за человек, диверсию, что ли, хочет устроить, или шпион, все-таки дверь между землей и небом – объект секретный, вот и написано, посторонним вход воспрещен. Да не бойся, мужик, не зайду я к тебе, нужны мне твои секреты...

Да и не смотрит охранник в мою сторону, что ему до меня, мало ли кто здесь околачивается между небом и землей. Ты не бойся, я уйду, вот только дождусь его – и уйду сразу, уйдем вместе, как только он появится из ворот.

Хотя...

Заглянуть туда тоже интересно. Посмотреть, как оно там – уже не на земле, но уже не на небе...

А то просто обидно получается, всю жизнь живу возле космодрома, и не знаю, как оно там. Почему-то представлялось что-то кафельное, клетчатое, усеянное ракетами, я видел такой космодром в каком-то мультфильме, уже не помню...

Я смотрю на звезды – одинаковые и по ту и по эту сторону ограды, звезды не загонишь в колючую проволоку. Я ищу одну-единственную звезду – мою, она не такая, как все,

она мерцает и движется ко мне, все ближе, ближе, скоро она упадет с небес на землю. Я даже знаю, как зовут эту звезду, Кентавр, звезда упадет, раскроет стальные люки, на поле выйдет он...

Он...

Я даже не помню, как он выглядит...

Мой отец...

Снова смотрю на телефон, снова проверяю дату – двадцатое августа, ни больше, ни меньше. Телефон еще утром напомнил мне про дату, как только спел – «Просыпайся, мой хозяин...» Помню, еще испугался, вот опять про какую-то дату записал в телефоне, и не написал, что за дата, день рождения у кого, или свадьба, или что... до собственного восемнадцатилетия вроде бы еще далековато... Тут же спохватился, как обожгло что-то внутри, хорош я, хорош, считал дни, считал недели, месяцы, годы до встречи, а когда день наступил – забыл, начисто забыл...

А не до того было, экзамены выпускные, экзамены вступительные, ты давай учишься, Гаврик, вот вырастешь неучем, отец вернется, что я ему скажу? Он-то знаешь как хотел тебя с собой взять, когда подрастешь, а неучей-то туда не берут...

Я и сам знал, что неучей туда не берут, что близ Цереры или Андромеды без высшего образования делать нечего. Конечно, одного диплома мало, надо еще что-то, ну это уже отец вернется, скажет, какие курсы, тренировки, еще что...

Отец...

Смотрю на часы.

Даже не знаю, во сколько он упадет с небес на землю, да он и сам этого не знает, космические челноки не ходят по расписанию...

Стою между небом и землей.

Мужичок у шлагбаума хмуро смотрит в мою сторону. Смотри, смотри, не взорву я твой космодром...

Вспоминаю, как улетал отец – пытаюсь вспомнить, не могу, слишком давно это было, толком даже не помню, сколько мне было лет, шесть или семь... нет, шесть, еще в школу не ходил... помню, как мать подняла меня среди ночи, пойдём, пойдём, Гаврик, да не кричи, тихо ты... Я не понимал, куда меня тащат, зачем, почему, и почему в комнату отца, знаю же, что отца нельзя тревожить, болеет отец, сам мне говорил, подцепил какую-то лихорадку в ядовитых болотах Венеры, до сих пор мается...

– А папу нельзя тревожить, ты говорила...

– Пойдем, пойдём, он тебя хочет видеть... – голос матери дрожит, – попрощаться с тобой...

– А лихорадка не заразная?

– Не заразная, не бойся... пошли...

Мать заводит меня в комнату, здесь мерзко пахнет аптекой, вот это я хорошо помню – запах аптеки, отец сидит в кресле, закутанный в старенькие одеяла, длинный, худой, руки у него неровные, рельефные, извилистые полоски пересекаются на руках, я много позже узнал, что это вены...

– Ну что, Гаврик, как жизнь? – спрашивает отец почему-то шепотом, подмигивает мне.

Я не знаю, как у меня жизнь, я еще не понимаю, что такое жизнь, на всякий случай отвечаю – хорошо.

– Ну и славно... вот что... папка-то твой опять улетает.

– А меня с собой возьмешь?

– Ох ты какой, с собой его взять... Это, брат, тебе не в Крым летать, это, брат, в космос...

– А в космос возьмешь?

– Нос не дорос... – отец выжимает из себя улыбку, – детям до восемнадцати нельзя.

– Как в кино?

– Ну... Ты, Гаврик, смотри, тебе восемнадцать стукнет, я как раз вернусь к тому времени... ну, контракт-то кончится... Вот, вернусь, пару годочков отдохну, там и с тобой вместе махнем куда-нибудь... я тебе Плутон покажу, там наши парни ледяные дворцы строили...

– У-у, долго ждать...

– А ты что хотел, все и сразу? Не-е, парень, в жизни так не бывает, в жизни и добиваться своего приходится, и ждать подолгу... Я, брат, знаешь, сколько за твоей мамой ухаживал?

– Да брось ты... – шепчет мать.

– Да что брось, у нее и жених видный был, и отец военный, а у меня что, ни кола ни двора, она на меня и не смотрела... а потом сбежала со мной в Магадан, вот оно как...

долго по России мыкались, там уже и родители ее спохватились, нас домой позвали, отец ее квартиру нам сообразил... О-ох, черт, больно... – он прижимает к впалой груди исхудалые руки, – лихорадка проклятая... меня же там этот, мордохвост цапнул, ну, ребята наши тварей этих мордохвостами называют... Ну вот, от него этой дрянью и заразился...

– А как же ты больной полетишь?

– А так... уж долечусь, куда денусь... – обессилено падает в кресло, – они без меня там дров наломают, господи прости... Там видишь, какое дело... – тяжелый вздох, он как будто задыхается, – там сигналы обнаружены... вроде как от разумных существ... черт их знает... а по контактам с цивилизациями один спец, это я... Ну все... – вздох, – дай лапку... давай, учись хорошо, маму слушайся...

– А ты мне писать будешь?

– А куда же я денусь... подарки слать буду, это не бойся, без обмана... Ну все, давай, спать иди, мне ехать на космодром надо...

Мать буквально вытаскивает меня из комнаты, волочет в комнату, спать, спать иди, Гаврюшенька, тебе что отец сказал, чтобы меня слушался, да?

Спать... легко сказать, спать, когда где-то через час дом наполнился негромкими голосами, стуком, куда-то ходили, что-то носили, я все думал, как потихонечку выбраться из комнаты, может, тайком проникну в машину, в корабль, не будут же ради одного меня возвращаться на зем-

лю... Помню, как бесшумно вышел из комнаты, в коридоре столкнулся с матерью, как получил от нее подзатыльник, марш, марш спать, тебя еще не хватало...

Стою между небом и землей.

Охранник косится на меня, снова окунается с головой в газету. Не бойся, не взорву я твой космодром. Больно надо...

Смотрю в небо.

Ищу свою звезду...

Вспоминаю...

– Танцуй, Гаврюшка, тебе письмо...

Да, были письма, много писем, обычно появлялись к какой-нибудь дате, например, когда был Новый год, или первое мая, или двадцать третье февраля, и на восьмое марта я всегда обижался, что письмо приходило не мне, а матери, и в день рождения матери я тоже обижался, потому что ей, а не мне отец высылал что-то совсем уж особенное, какие-нибудь причудливые цветы, или украшения из кости какого-нибудь крылатого единорога, или драгоценные камни, обязательно большие, блестящие, посмотришь на них, сразу становится ясно – на земле таких не было и нет...

Зато в свой день рождения на пятое мая я ходил гоголем, тогда отец присылал что-нибудь для меня, что-то особенное, как в позапрошлом году, когда я открыл коробку, и увидел камень с серой дымкой внутри...

Привет, Гаврюшка, пишу тебе с Аргуса, это планетка близ Фомальгаута. Высылаю фотки, пейзажи здесь что надо, вот у нас на Земле ландыши крохотные-крохотные, а у них такие же цветут, так там в каждом бутоне жить можно...

...я аргусинцев не видел, штурман рассказывал, встречался с ними. Похожи на гриб дедушкин табак, а из-под гриба лапки торчат, то ли шесть, то ли семь, они этими лапками по джунглям ползают. Штурман хотел их со мной познакомиться, они ни в какую, чужих боятся, а штурман для них вроде как уже свой... Так и получается, исследователь в корабле сидит, штурман гуляет с иноземцами по лесу...

...мне они, правда, тоже кое-что передали, вот, высылаю тебе камень, в нем, если присмотреться, можно увидеть свое будущее. Правда, аргусинцы говорят, это будущее только специальный шаман расшифровать может. А мне шамана не надо, я сразу в шаре увидел, как домой возвращаюсь, а ты меня перед космодромом ждешь... :)

Я стоял между небом и землей, мысленно перебирал подарки, которые присылал отец. Сначала хотел даже взять их с собой, передумал, побоялся чего-то. Камни-предсказатели, сухой орех, выполняющий желания, раковины неведомых тварей из каких-то кратеров, на шестнадцатилетие отец выслал мне мешочек, который надо было носить на шее, чтобы влюбить в себя свою избранницу. Два месяца я носил

на шее мешочек, два месяца гулял с Ариадной, у которой были золотые волосы, понравился не только ей, но и ее отцу, он приглашал меня в их особняк, катал нас на своем майбахе, а ты ничего, Ариша, хорошего парня отхватила, на каникулы вас обоих в Париж отправим, мир посмотрите... Что, Гаврик, мама-то твоя ругаться не будет?

Через два месяца я не утерпел, развязал мешочек, посмотрел на серебристо-белый песок внутри. В тот же день Ариадна прошла мимо, не замечая меня, из школы уехала в машине с каким-то старшеклассником...

Привет, Гаврюша, пишу тебе с Кобольда, это планетка под безымянной звездой в созвездии Кассиопеи. Высылаю тебе фотку на фоне камней, ты даже не сомневайся, вот все эти россыпи – это чистое золото. Золотишко здесь лежит, как у нас булыжники, реально золото лопатой грести. Андрюшка, лаборант наш, потерял голову, набил полную каюту этого золота, уже с капитаном скандалил, с пеной у рта доказывал, что «Кентавр» не перегружен, и дальше полетит без проблем, и все такое. Короче, половину золота все-таки выбросили, он плакал даже...

Так ты представь, что дальше было... Стартуем с Кобольда, выходим с орбиты, берем курс на Андромеду... Утром просыпаюсь от крика, все бежим в Андрюшкину каюту, он стоит не живой, не мертвый, смотрит на рыбы чешуйки. То есть, это мы их так называли, рыбы чешуйки, легенды вспом-

нили, как люди ночью у каких-нибудь колдунов золото брали, а наутро оно рыбьей чешуей обращалось...

Высылаю тебе пару чешуек. Андрюшка все не теряет надежды, что когда-нибудь в каких-нибудь условиях эти чешуйки превратятся в золото. Если что-нибудь такое случится, пиши. :)

Я писал. Отец отвечал мне. В школе с восторгом рассказывал, что мой отец космонавт, показывал письма Ленке Чижикову, рыжему и конопатому, мы сидели за одной партой, он списывал у меня диктанты, я списывал у него математику. Мне не верили, Ленка вообще смеялся надо мной, ага, космонавт, а у меня батя вообще Бэтмен, по ночам над городом летает...

Я здорово дрался с парнями, кулаками доказывал, что мой отец космонавт... меня побаивались. Мне верили – или делали вид, что верили, кивали, когда я показывал письма или фотографии. Кончилось тем, что я здорово сцепился с кем-то из старшеклассников, в школу вызвали мать, дома был короткий разговор, который запомнился мне на всю жизнь.

– Тебе заняться больше нечем, драться со всеми? Я тебя зачем в бокс отдавала, чтобы морды всем бил?

– Так они не верят...

– Чему не верят?

– Как чему... что папа наш космонавт, – ответил я с гордостью.

Я и правда гордился собой, еще бы, отстоял отца, отстоял честь семьи, пусть теперь кто-нибудь только попробует вкунуть, что у него отец Бэтмен...

– Ты что, с ума сошел?

– А что?

Первый раз я видел мать в таком состоянии, не злую – но какую-то чужую, незнакомую, испуганную, я видел ее такой только когда улетал отец.

– Ты что, с ума сошел? Вырастили на свою голову...

– А что, что такое? Я же правду им сказал...

– Пра-авду... это же секретный проект, горе ты мое лыковое, я уж на работе изолгалась всем, что с мужем черт знает когда развелась, знать его не знаю, где его черти носят... Отец тебе как родному доверял, письма эти слал, у них же знаешь, как строго, писать-то вообще нельзя, отец эти письма по каким-то каналам передает, если кто узнает, его вообще расстрелять могут, как изменника родины... а ты...

Я почувствовал, что заливаюсь краской с головы до ног.

– Эх ты.. отцу сказать, то-то позорище будет... Чтобы он тебе еще написал, да ни в жизнь...

Вот тут-то я и разревелся, в голос, сам не помню, от чего ревел, то ли от того, что отец больше не напишет, то ли от того, что я предал отца. Ждал, что мать утешит, успокоит, мать не подходила ко мне дня три, на четвертый день, загадочно улыбаясь, вошла в мою комнату, положила на стол письмо в синем конверте, к письму был приложен крохотный череп

какого-то целатавра с какой-то планеты Снмлунмль...

Здорово, Гаврюшка, ну и удружил ты мне, спецслужбы эту космическую программу нашу скрывали, как могли, ты за один день все рассекретил, тебе только шпионом работать. Ну да ничего, не поверили тебе, и ладно. Сейчас пролетаем мимо портала в параллельную вселенную, портал большой, оттуда видно Солнце другого мира и Землю другого мира. Вышли на контакт с тамошними жителями, вроде бы люди, такие, как мы, только у них все по-другому, и страны другие, и государственный строй... А я все думаю, как бы самого себя в этом мире найти, и тебя, и маму.. хоть вспомнить, как вы выглядите...

Стою между небом и землей.

Смеркается – как-то слишком быстро для августа, розовый закат с ласточками меняется длинными тенями, длинные тени сливаются в темноту ночи, в небе проступают первые звезды. Спыхватываюсь, смотрю на часы – половина одиннадцатого, сердце подпрыгивает – нет, что-то не так...

Мужичок на проходной смотрит на меня, похоже, все-таки придется идти к нему, что я ему скажу, нечего мне ему сказать...

– Пропуск ваш.

– Н-нет.. пропуска.

– А вы к кому? Вы смотрите, там уже разошлись все в та-

кое время...

– К-как разошлись?

– А ты что хочешь, парень, время-то недетское, рабочий день у них до шести... Так что завтра приходи уже.

– К-куда приходиться?

– Да куда... ты же на Уралтранс?

– Нет... я на космодром.

– А, на космодром хоть сейчас заходи, я Уралтранс охраняю, они тут арендуют...

Я прошел через вертушку, спохватился:

– А... космодром кто охраняет?

– А на хрена его охранять, что там есть, железки ржавые какие были, все уже на металлолом растаскали, что осталось, тем даже бомжи брезгают...

– Какие железки ржавые? Это же стратегический объект...

– Ага, конечно. Парень, ты в каком веке живешь? Это при Хрущеве при каком-нибудь был стратегический объект, а сейчас какой век? Раскупили уже все давно к чертям, самих себя продали... На всю страну один космодром остался, этот, как его... Ну оттуда еще на-днях запустили спутник какой-то, он у них там куда-то не туда улетел... В газете писали, марсиане виноватые, ну правильно, чем свои ошибки разбирать, проще на марсиан свалить...

– Слушайте, вы что-то путаете, сегодня мой отец прилететь должен...

– Откуда?

– Да из космоса... он же в экспедиции был...

Почувствовал, как краска заливает лицо, опять я выбалтываю то, чего выбалтывать не должен, рот у меня не закрывается, хоть зашить его, что ли... Охранник скрылся в своей будке, завозился с телефоном, я почувствовал неладное, нырнул в темноту ночи, скрывающей космодром...

Какой я идиот, ну конечно, проект-то секретный, вот и не знает никто, что отец вернется, он, может, и не на космодром опустится, да и вообще где это видано, чтобы капсула с космонавтом падала ровнехонько на космодром, свалится где-нибудь в сибирской тайге, и будет звездный странник сидеть три дня и три ночи, отстреливаясь от волков, пока не найдут его с вертолета...

Господи, какой я идиот... даже не спросил у матери, где ждать...

Включил телефон, в глаза бросились десять непринятых вызовов, ну конечно, мать мне телефон оборвала, звонила, я как всегда в облаках витаю...

– Алло, мам, а отец когда вернется?

– Ты с ума сошел, что ли? Ты сам-то когда вернешься? Или экзамены сдал, можно и по клубам загулять? Так хоть бы сказал, где ты, а то я уже и не знаю, то ли с друзьями пьешь, то ли мертвый где-нибудь лежишь...

– Да мам, я на космодроме...

– На каком еще космодроме? А ну дыхни... то есть, что я

говоря... Клуб ночной, что ли, так называется, Космодром?

– Да нет... отец же сегодня вернуться должен, вот я на космодром пришел... а там никто ничего не знает про отца... Ты чего?

Я испугался. Я никогда не слышал, чтобы мать так смеялась, так человек не хохочет, когда ему смешно, так смеются в истерике, когда теряют рассудок, когда случается что-то... что-то...

– Ты что, мам?

– Ох, горе ты мое... тебе сколько годиков-то в сказки верить?

– К-какие сказки?

– Умер твой отец, десять лет как умер, рак печени... Тебя тогда расстраивать не хотел, вон что выдумал... Умирал уже, в компьютере все возился, показывает мне кучу файлов, говорит вот, Гаврюшке нашему письма, ты ему подкладывай по праздникам... Еще много всякого надавал, черепки, мешочки, камушки... Я уже думала, он с ума сошел, а он тебя велел позвать... И вот что выдумал... чтобы тебя не пугать...

– Да слушай, я все понимаю, проект секретный, да ты хоть мне скажи, где отец приземлится?

– Ты идиот, что ли? Быстро домой иди, пока тебя собаки там на космодроме волки не съели!

Я не понимал, почему мать не может сказать мне правду, обидно прямо, мне, сыну, не хочет признаться, где отец. Придумала тоже, рак... герои не умирают от рака в своих

постелях, это удел простых смертных, герои если и гибнут, то где-нибудь в созвездии Волопаса в схватке с целатавром, или при неудачной посадке на черную дыру...

Я бежал и бежал по космодрому, в ничто, в никуда, в ночь, я должен был найти отца, я найду его, в сибирской тайге, за полярным кругом, в африканской пустыне, я найду его...

Ночь выплюнула из темноты ржавые обломки, то, что какие-то эпохи назад было космическим кораблем, теперь ржавело на семи ветрах – безмолвным курганом. Я плохо понимал, что делаю, когда забирался в машину, когда выискивал какие-то рычаги, клавиши, еще уцелевшие от времени, извивался по тесным коридорам, как червяк, забивался в каюты, как в коконы...

ЗАДРАИТЬ ЛЮКИ...

СТАРТ...

Земля упада из-под корабля, небо навалилось на грудь всеми своими атмосферами. Я им покажу, умер от рака, нечего врать, я найду его, нельзя про него знать – и не надо, уйду с отцом, туда, в небо, на земле был Гавриком, там буду архангел Гавриил...

Это еще что...

Я даже не понял стразу, где горит – горело повсюду, со всех сторон, горел, казалось, я сам. Сам виноват, хорош я, хорош, правильно, сначала делаю, потом думаю... куда я на этой ржавой посудине намылился на край Млечного Пути, спасибо, что она вообще взлетела, хотя лучше бы не взле-

тала, не горел бы я сейчас, не задыхался в дыму... кого я там искать собрался в бескрайнем космосе, космос, это тебе не соседний бар, куда зашел, огляделся – и нате вам, знакомые все лица, тут же нашел, кого надо... где я его искать буду в космосе, мотаться по созвездиям, шугать гуманоидов, ау-у, папашу моего не видели?

Кто-то вцепился в загривок, кто-то волочил меня куда-то, от кого-то я отбивался, кого-то укусил, кто-то дал мне затрепину. Я еще не понимал, в чем дело, почему огонь больше не жалит меня со всех сторон, почему дым больше не рвет легкие, почему...

– Да уймись ты, кусаться будешь, сейчас на улицу выгоню! А на улице у нас знаешь как, температура в тени абсолютный ноль, и воздуха нет...

Я еще не понимал, я еще не узнавал этот голос, кто-то растирал мне виски, кто-то сдирал с меня прожженную одежду, смазывал опаленные руки чем-то мерзко пахнущим...

– Архаровец... куда ты на этой дряни в космос, ты бы еще в корыте к звездам полетел... три мудреца, блин... в одном тазу... на хрена мудреца в тазу тереть...

– Пап, я к тебе...

– Да я понял уже... А ты как меня нашел, я ж тебе письмо последнее не выслал еще?

– Да... искал и нашел...

– Верно... Тут же какое дело, меня еще лет на десять отправляют... до соседней вселенной... Я тебе письмецо хотел

скинуть, мол, давай, на космодром и ко мне, коли хочешь... Только надо же было на нормальный космодром, а не на этот, богом убитый... Институт ты не кончил, вот что плохо...

– Да ладно, разберусь...

– Экой ты шустрый, разберется он... Тут исследователи разобраться не могут во всех явлениях, там тебе и обратный ход времени, и антиматерия, и антиэнергия, и хоть что... А он разберется, ну конечно, он самого Перельмана за пояс заткнет... Эй, парни, я вам тут нового Эйнштейна привел, он вам сейчас быстро все про соседнюю вселенную разузнает...

– Это что, никак звезда с неба упала?

– Какая звезда... метеорит...

– Да нет, мужики, это этот... парень.

– Какой парень, Икар?

– Да какой Икар, этот... все крутился тут вокруг да около, ходил, больной какой-то... все говорил, отец его из космоса прилетит...

– Так в дурку звонить надо было...

– Так я хотел звонить, он смотался уже куда-то... А потом смотрю, забрался в корабль ржавый, ну, стоял там какой-то... и сидит. А потом фьюить, посудина-то эта и полетела... Видать, топливо там осталось... Ну вот, взлетел, да видно, недалеко улетел-то...

– Так пошли, посмотрим...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.